

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования

**«КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. И. Вернадского»**

Таврическая академия

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра новой и новейшей истории

Шипилин Павел Игоревич

**ЛАПЛАНДСКАЯ ВОЙНА: ФИНЛЯНДИЯ КАК ОБЪЕКТ ВЛИЯНИЯ
СССР И ГЕРМАНИИ**

Выпускная квалификационная работа
(магистерская диссертация)

Обучающегося 2 курса

Направления подготовки 46.04.01 История

Форма обучения очная

Научный руководитель

доцент, канд. политических наук

Е.В. Бебешко

К ЗАЩИТЕ ДОПУСКАЮ:

Зав. кафедрой

профессор, доктор исторических наук,

С.С. Щевелев

Симферополь, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ, ПРЕДВАРЯЮЩИЙ КОНФЛИКТ	17
1.1. Проекты и планы к достижению мира между Финляндией и СССР. Обстановка перед началом переговоров.	17
1.1.1. Попытки США вывести Финляндию из войны. Убеждение и посредничество.	19
1.1.2. План-воззвание авторства О.В. Куусинена.	25
1.1.3. «Письмо 33-х»	26
1.1.4 Начало секретных переговоров с посредничеством Швеции.	28
1.1.5 Тегеранская конференция. Условия выхода Финляндии из войны. .	29
1.2. Начало и ход переговоров. Характеристика всего дипломатического процесса и его многоэтапность. Влияние на принятие решений финской стороной Швеции, США и Великобритании.	32
1.2.1. Периоды и этапы дипломатического процесса выхода Финляндии из войны.	32
1.2.2. Метод демонстрации силы на пути к миру: авиация как прием убеждения.	35
1.2.3. Секретные переговоры Ю. К. Паасикиви и А. М. Коллонтай.	38
1.2.4. Новая ступень уточняющих переговоров и разрыв диалога.	43
1.2.5. Наступление на Карельском перешейке. Попытки восстановить диалог с СССР. Пакт Рюти-Риббентропа и выход на путь перемирия.	50
1.3. Выход Финляндии из войны. Ход подписания договора о перемирии.	57
ГЛАВА 2. ВОЕННЫЙ АСПЕКТ КОНФЛИКТА	65
2.1. Вопрос разности отражения конфликта в зарубежной и отечественной историографии.	65

2.2. Вопрос хронологических рамок Лапландской войны. Война <i>de-jure</i> и <i>de-facto</i>	70
2.3. Предваряющие полноценный конфликт события. Операции «Бирке», «Танне-Вест» и «Танне-Ост». Совместная деятельность немцев и финнов в сентябре 1944 года.	73
2.4. Причины конфликта, его участники. Невозможность избежать войны и ответственность за её начало.	76
2.5. Ход боевых действий Лапландской войны с 1 октября 1944 года по 27 апреля 1945	81
2.6. Завершение Лапландской войны. Итоги. Вопрос «точки невозврата» конфликта.	88
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	94
ПРИЛОЖЕНИЯ К РАБОТЕ	101
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	109

ВВЕДЕНИЕ

Тематика данной магистерской выпускной квалификационной работы носит название: «Лапландская война: Финляндия как объект влияния СССР и Германии»

Концепция исследования заключается во многоаспектном изучении Лапландской войны, проходившей с осени 1944 до весны 1945 года как конфликта, завершающего противостояние влияний Германии и Советского Союза в данном регионе.

Актуальность исследования видится в разностороннем освещении различных вопросов связанных с данным историческим событием, которые очень слабо рассматривались либо не рассматривались вообще в отечественной историографии. Данное явление наблюдается отчасти по причине того, что данный конфликт рядом ученых считается в большей степени - локальным событием в финской истории во Второй Мировой войне, и потому и исследован – слабо. Особенно актуальными к освещению в этой теме считаются вопросы непосредственно момента начала конфликта, вопрос соотношения противоборствующих сил, их наполнения, характера боевых действий на протяжении всего конфликта.

Новизной работы ставится подход к полноте освещения конфликта. Исследование рассматривает не только ведение боевых действий, их итоги, причины или вопросы дипломатического характера - а изучает все эти вопросы в неразрывной связке один с другим, в соответствии с причинно-следственными связями между ними. Ряд исследователей, рассматривавших вопрос участия Финляндии во Второй Мировой, включают в исследование проблемы дипломатии в связи с заключением мира с СССР, но лишь малая их часть затрагивает в работах то, что повлекло за собой это перемирие. Стоит отметить, что для подавляющего большинства исследований и публикаций по теме истории Финляндии, и ее участия во Второй Мировой войне - к сожалению характерна особенность, которая заключается в том, что

тему Лапландской войны оставляют без внимания и без каких-либо упоминаний. Таким образом, упускается ее значимость и связь с советско-финской войной 1941-1944 и заключением мира с СССР.

Так же важно исследование временного промежутка, который зафиксирован между заключением перемирия Финляндии и СССР и началом нового конфликта между Германией и Финляндией, некоторые исследователи не принимают во внимание важность этого промежутка времени, что является упущением для всей целостности понимания всего взаимосвязанного процесса.

Пусть исследование и не характеризуется как историографическое, и не нацелено полностью на освещение и исследование процесса появления данной темы в работах отечественной и зарубежной историографии – к новизне работы относится освещение в списке использованных источников и литературы довольно большого пласта работ и документов по заданной теме. Иначе говоря, в процессе исследования, вместе с его ходом шел параллельный процесс создания историографической канвы по этой теме.

Связь новизны и актуальности данного исследования видится в том, что в нем существует более пристальное внимание к ряду вопросов, связанных с взаимоотношениями СССР и Финляндии. Так, одним из ожидаемых итогов работы является показ данного конфликта не только как локального противостояния, которое касается только Финляндии, но и как конфликта, имеющим тесные связи с Советским Союзом на этапе начала конфликта.

Объектом исследования является региональный аспект международных отношений на севере Европы на завершающем этапе Второй Мировой войны.

Предметом исследования – рассмотрение Лапландской войны как ключевого, итогового момента в контексте противостояния влияния СССР и

Германии над этим регионом, и в качестве военного конфликта, предваряемого сложным и многоуровневым дипломатическим процессом.

Цель работы – подтвердить, что Лапландская война носит не обособленный характер войны между немецкими и финскими военными силами, но является закономерным конфликтом, который генетическим образом связан с Советско-финской войной 1941-1944 г. и дипломатическим процессом ее завершения заключением мирного договора.

Задачами работы поставлены:

- Выявить весь возможный к обзору пласт отечественной и зарубежной литературы, а так же выявить и обосновать основные причины практически полного отсутствия исследований, описаний и упоминаний данного конфликта (его дипломатической и военной стороны) в отечественной историографии.
- Выявить все возможные взаимосвязи как между историей попыток переговоров о мире, так и заключенным перемирием с СССР и неизбежностью будущих военных столкновений Финляндии и Германии.
- Оценить обособленное, окруженное положение Финляндии в выборе между интересами двух противоборствующих стран. Проанализировать причины противоречий - как внешнего (за пределами страны), так и внутреннего (внутри страны) характера.
- Рассмотреть характер боевых действий Лапландской войны: как со стороны Финляндии, так и со стороны Германии для оценки целей и векторов, к которым стремились воюющие страны.
- Выявить долю влияния СССР на конфликт, долю его участия и итоги этого участия для воюющих сторон.

- Выявить конкретный точный момент, когда был сделан переход от выполнения Финляндией договоренностей перемирия с СССР к непосредственным боевым действиям и конфликту с Германией.

Несколько указанных в списке задач продиктованы гипотезой исследования, заключающейся во мнении, что между условиями мирного договора с СССР, которые подписала Финляндия, самим Советским Союзом и развернувшимся новым конфликтом в уже заключившей перемирие Финляндии – есть прямая зависимость. Ожидаемый в итоге эффект – подтверждение данной гипотезы и выявление степени зависимости между тремя названными выше составляющими.

Следует отметить, что сформированные в работе концепция, объект, предмет, цель и гипотеза исследования связаны друг с другом и находятся в формате сужения формулировок согласно указанной последовательности. Данный подход к связи этих составляющих направлен на уточнение и постепенную актуализацию и формирование вектора исследования, согласно которому направлен весь ход работы.

Хронологические рамки исследования в целом определены с весны 1944 года по апрель 1945 года (от начала высказывания первых мыслей о мирных переговорах с Советским Союзом, и до полного вывода сил Германии с территории всей Финляндии).

Здесь следует сделать уточнение, касающееся того, как именно разграничиваются и обосновываются выбранные хронологические рамки. С весны по осень 1944 года наблюдается ряд основных событий и этапов дипломатического процесса, который подготавливался и велся на фоне продолжавшейся советско-финской войны, и завершился в сентябре этого же года подписанием мирного договора между Финляндией и СССР.

Далее следует небольшой промежуток времени с сентября по октябрь 1944 года. Этот небольшой промежуток в один месяц важен для понимания

действий советской, немецкой и финской сторон сразу после заключения Финляндией перемирия с СССР, но еще до начала нового конфликта – Лапландской войны. Начиная с этого момента - исследуются действия Контрольной комиссии, а также ее руководства - анализируется их степень влияния на начало дальнейших конфликтных событий.

С октября 1944 и по весну 1945 на территории, вышедшей из войны Финляндии, проходила исследуемая в работе Лапландская война: в исследовании она освещается с момента первых боевых операций, и, завершается моментом, когда немецкие силы покинули территорию Финляндии и ушли на территорию Норвегии.

Есть так же несколько моментов, которые присутствуют в содержании исследования, но не вписываются в основные описанные выше рамки. В основном здесь идет речь о весне 1943 года, когда были высказаны самые первые, еще очень далекие от прямых мирных переговоров попытки американской стороны склонить к взаимному дипломатическому разговору СССР и Финляндию, а так же о послевоенных итогах конфликта.

В иных случаях есть малочисленные отклонения от указанных выше рамок, которые представляют собой промежуточные умозаключения и сведения по предыдущим конфликтам Финляндии и СССР. Без них исследование Лапландской войны как ключевого конфликта в противостоянии СССР и Германии в регионе – представляется неполным и отрывочным, так как, безусловно, войны 1939 - 1940, 1941 - 1944 и 1944 - 1945 связаны друг с другом. Все они могут считаться составляющими одного и того же противостояния, которое разделено на несколько этапов, потому их освещение в исследовании видится автору исследования допустимым.

Исследуемое событие ограничено территориальными рамками Финляндии в случае исследования боевых действий, при чем здесь следует

отметить, что это касается как границ страны до заключения перемирия в войне 1941-1944 годов, так и после подписания мирного договора между Финляндией и СССР. Конечно же, данное исследование невозможно без рассмотрения событий на территориях Германии и СССР, которые непосредственно относятся к тем или иным этапам дипломатического процесса, в который была вовлечена Финляндия.

Разработанность тематики в историографии нужно делить на историографию зарубежную и отечественную. В первом случае – это зарубежные авторы, исследовавшие и исследующие эту тему довольно подробно. В отечественной историографии же, напротив, наблюдается относительно небольшой список опубликованных исследований по заданной теме. Это свидетельство является одной из причин к актуальности написания данной работы, которая описана выше. Отсюда, отчасти, выявляется практическая значимость данного исследования.

Вопросы, связанные с выходом Финляндии из Второй Мировой и подписанием перемирия с СССР намного лучше освещены в историографии, чем последовавшая за этими событиями Лапландская война. Наибольший вклад в науку внесли крупнейшие специалисты по данным вопросам – Н. И. и В. Н. Барышниковы, которые в целом являются одними из самых известных и признанных ученых, которые занимались темами, связанными с историей Финляндии. В частности, в основу большей части первой главы работы была взята разбивка на этапы всего процесса дипломатического общения, направленного на выход Финляндии из войны, которую представил в нескольких своих публикациях Н. И. Барышников [34 ; 35 ; 36]. Сюда же стоит отнести, без сомнения важные работы таких ученых, как С. Г. Веригин и Э. П. Лайдинен [36 ; 39 ; 40] . Одна из последних статей, опубликованных под их авторством, несет в себе существенную новизну в освещении источников по данной тематике, которые находятся в центральных российских архивах.

Нельзя не отметить довольно интересные и редкие по своей направленности исследования А. И. Куликова, связанные с темой американского меморандума 1943 года, который является первым свидетельством появления идей о мире между СССР и Финляндией [47]. По столь же узконаправленным темам, только уже касающимся тем шведского посредничества в вопросах налаживания мира между Финляндией и СССР - публиковала весьма полезные и интересные статьи А. Р. Садомцева [58 ; 59 ; 60 ; 61].

Отдельно хочется указать историографическую статью, посвященную вопросам ведения войны Финляндией на стороне Германии в 1941-1944 под авторством Г.А. Куманева. Историография – одно из проблемных мест в данной теме, и пусть статья не посвящена историографии вопроса Лапландской войны – но так как историографические статьи в целом являются не столь распространенным явлением, она была очень ценной для автора данного исследования [49, с 342 - 371]. К этой же области литературы стоит отнести работу Чернышева О.В., Рогинского В.В. о судьбе «дипломатических дневников» А.М. Коллонтай, которая играла ключевую роль в дипломатическом процессе вывода финнов из войны [65]. Из зарубежных работ подобного плана стоит выделить статью «Modern Finnish historiography: the Second World war. New approach to old topic» под авторством Viena-Tuuli Vasara [83].

Так же, следует выделить в отдельную группу публикации отечественных авторов на темы биографические, касающиеся личностей, которые занимают значимое место в истории как советско-финляндской, так и Лапландской войны. Так, к этой группе относятся работы, исследующие деятельность и жизнь К. Г. Маннергейма, А.М. Коллонтай, А.А. Жданова. Такие работы показывают исследуемые события через призму деятельности лиц, либо стоявших у руководства странами, либо выполнявших

посредническую деятельность в переговорах или контролирующую деятельность на этапе выполнения условий мирного договора.

Относительно иностранных авторов, без изучения трудов которых попросту было бы невозможно вести подобное исследование – стоит отметить работы Х. Мейнандера [52] и О. Вехвилайнена [69]. Они дают весьма объективный, и что главное – актуализированный и полный деталей взгляд на события, которые рассматривались со стороны иностранных ученых, представителей стран-участниц описываемых событий. К сожалению, эти работы являются редкими – в том понимании, что переведены на русский и украинский языки. Большинство же иностранных работ существуют на соответствующих языках оригиналов. Так, например – фундаментальной, основополагающей работой является труд А. Sampo – «Aseveljet vastakkain. Lapin sota 1944 – 1945» [78], а довольно новым (2017 года издания) и интересным согласно выбранной проблеме, поставленной в исследовании, является труд «Käsivarren sota: Lasten ristiretki 1944-1945» авторства М. Kulju [75]. Весьма информативным видится публикация из цикла работ изданных издательством Osprey (специализированное зарубежное издание, направленное на военно-историческую тематику) – «Finland at War The Continuation and Lapland Wars 1941–45» [77]. Есть целый ряд работ, которые освещают тему немецкого присутствия в Финляндии, или отдельно – на территории Лапландии. Одной из самых новых работ по данным вопросам (2018 год публикации) можно считать труд О. Seitsonen под заголовком «Digging Hitler's Arctic War - Archaeologies and Heritage of the Second World War German military presence in Finnish Lapland.» [79].

Говоря об источниковой базе исследования – она характеризуется большим объемом документов, касающихся истории дипломатического процесса заключения мирного договора между Финляндией и СССР. Данные документы размещены в архиве МИД России, в фонде под названием «Секретариат В. М. Молотова». Так, были использованы документы этого

фонда (Ф 06 «Секретариат В. М. Молотова», Оп. 6) из списка дел с 709 по 735, что на практике является сотнями страниц архивных документов в 17-ти делах, в которых хранятся свидетельства ведения дипломатических переговоров между СССР и Финляндией, между Финляндией и США/Великобританией. Кроме того, важнейшими из них видятся дела, в которых находятся не только материалы о переговорах, протоколы и т.д. – но и документы условий перемирия (дело 710) [3], сами документы с соглашением о перемирии, официальные утверждающие документы (как например, «О создании Союзной Контрольной комиссии» в деле 730) [14].

Стоит упомянуть, что в большей степени за рубежом, в меньшей степени в отечественной литературе – в период с 1970-по 90-е года по отношению к теме исследования был замечен подъем издания мемуаров различных деятелей как финской стороны (дипломаты и члены правительства, военачальники, президенты) так и немецкой (генералитет, дипломаты). Мемуарные источники необходимы для данного исследования, даже учитывая, что кредит доверия к их объективности всегда ставится небольшой. Так как одной из основных частей работы является дипломатический аспект, предваряющий исследуемый конфликт – вопросы с ним связанные не удастся рассмотреть без сведений, содержащейся в мемуарных источниках непосредственно участников дипломатического процесса. Однако надо отметить, что используя сведения из таких источников – во внимание в основном берется оценочная составляющая во взгляде авторов мемуаров, фактической составляющей так же есть место в данном исследовании, но по причине крайней субъективности подобной литературы – нельзя опираться на них всецело. Один из интересных примеров описанных выше мемуаров был переведен на русский язык и издан в 2006 году. Речь идет о мемуарах командующего 20-й горной армии, Лотара Рендулича – «Об управлении войсками» [24] а также, «Фатальные ошибки Вермахта. Почему Германия проиграла войну.» [23]. В них довольно

подробно описан состав войск, характер местности и собственные воззрения командующего на саму ситуацию войны и, что является наиболее ценным – на перемирие Финляндии и СССР и на условия мирного договора, который его регулирует. К этой же категории следует отнести и мемуары генерала Вальдемара Эрфурта, которые освещают темы ухода немцев из Лапландии и участие их в исследуемом конфликте [26].

К другим объектам мемуарных источников относятся, например - воспоминания Карла Густава Маннергейма, военачальника, «Маршала Финляндии», а после - и президента страны [20 ; 21]. К мемуарам отечественного происхождения относятся дневниковые записи Александры Коллонтай, которая вела дипломатическую, посредническую деятельность от имени СССР и чей взгляд на события видится особо интересным к исследованию. В той же степени были интересны опубликованные дневники Юхо Кусти Паасикиви [22]. В данном исследовании можно наблюдать довольно частые ссылки на записи в этих дневниках, потому что сам Ю.К. Паасикиви и его записи – представляют весьма объективный, разносторонний, взвешенный и полный деталей взгляд на обстановку в стране и на перспективы отношений между странами, задействованными в рассматриваемых конфликтах. Дневники, к тому же, отличаются от мемуаров еще и несколько большим кредитом доверия к написанному, хотя бы потому, что большая часть из их содержимого фиксировалась их автором либо сразу по ходу происходивших событий, либо прошедшее время между событием и записью – невелико. Принимая во внимание, что автор дневников – представитель финской стороны, видный политик, имевший напрямую доступ ко многим источникам информации и являвшийся участником дипломатического процесса практически на протяжении всего его хода, стоит сказать – что использование и цитирование этого источника представляется незаменимым, важным и обязательным.

Сложности в процессе изучения видятся в иностранном языке тех изданий, которые представляют большую ценность для исследования, и в большем количестве случаев – отдаленном местонахождении экземпляров. Далеко не вся часть зарубежной литературы по теме переведена на русский язык и еще меньшая – доступна в оцифрованном формате. В качестве примера можно привести работу Т.Т. Kaila - «Kriget i Lappland» [74] которая предоставляет весьма важные сведения непосредственно о Лапландской войне. Публикация такого уровня, направленная целиком на изучение только одного этого конфликта – весьма редкое явление, однако ее изучение было осложнено ввиду того, что работа написана на шведском языке и не оцифрована, даже будучи изданной в 1950 году.

Для частичного решения этих проблем стоит отметить, что поиск источников и литературы для ведения исследования выполнялся, кроме всего прочего – напрямую в командировках автора для изучения материалов таких крупных библиотечных центров страны как Библиотека Академии Наук (БАН) и Российская Национальная Библиотека (РНБ) в Санкт-Петербурге.

Отдельно стоит упомянуть, что в работе, кроме уже устоявшихся в научном сообществе публикаций – использовалась и новая литература. Так, например – несомненную ценность представляет собой публикация Киммо Рентола «Сталин и финны», которая будучи переведенной на русский язык вышла в свет в 2020 году [56]. Весьма достойный взгляд на узконаправленную тему вооружения финской армии представляет публикация отечественного автора – Вячеслава Никитина «Финская армия: русский след. Люди и оружие» [55], которая была издана в 2017 году и пока практически не имеет аналогов, что повышает ее ценность для исследования.

Методология исследования строится на базе исторического подхода, в частности используется историко-генетический метод в применении к макроисторическому процессу, так как в исследовании рассматривается цепь событий от назревания возможного конфликта по условиям мирных

договоренностей с СССР и до непосредственных боевых действий и их окончания – то есть, весь генезис конфликта.

Отдельными методами, которые применялись в данной работе - являются теоретические и эмпирические методы. Так, использованные теоретические методы операции подразумевают под собой методы анализа/синтеза и сравнения. Для достижения искомых результатов одной из задач требуется проанализировать цели, векторы направления действий и расстановки сил трех стран, задействованных как в дипломатических переговорах с весны по сентябрь 1944 года, так и боевых действиях с октября по апрель 1945 года. Далее - сравнить их, а после – синтезировать в несколько выводов о главенствующих ролях стран на различных этапах переговоров, об итогах каждого из этапов и объяснить этими выводами переход к дальнейшим этапам исторического события.

Также взгляд в исследовании ставится с помощью индуктивно-дедуктивного метода, так как рассматривается ситуация в конфликте от общего к частному, и его этапы разбираются в деталях при переходе к описанию общей картины событий.

Метод конкретизации так же присутствует в исследовании, так как в основном внимание уделяется трем конкретным странам-участницам конфликта. Работа не подразумевает полный анализ восприятия войны иных стран, их точка зрения используется эпизодически. Берется конкретный конфликт без проведения аналогий на какие-либо еще исторические события, происходящие/происходившие в других странах или регионах.

Теоретические методы действий представлены методом выявления и разрешения противоречий, так как в работе не избежать рассмотрения взглядов между различными сторонами конфликта или между различными точками зрения исследователей тематики в прошлом.

Из эмпирических методов используется один метод операции и один – действия. В первом случае – это метод изучения источников и литературы, исследований ученых и документов иного характера, что доказывалось несколькими пунктами выше, и в качестве метода действия – используется ретроспективный метод исследования объекта во времени, так как рассматривается целиком и полностью событие прошлого без попыток прогнозирования ситуаций на будущее.

Структура работы подразумевает ее деление на две главы, каждая из которых делится внутри на пункты и подпункты:

- Первая глава посвящена дипломатическому процессу заключения мирного договора с СССР, который предвещает конфликт – включая описание всего процесса, его этапов и освещение важнейших документов в данном вопросе.
- Вторая глава – непосредственные военные действия, которые происходили в Лапландскую войну, они описаны с самого начала осени 1944 и завершая весной 1945 года. Включает в себя итоги конфликта, анализ нанесенного войной ущерба, вопросы ответственности за её начало и ведение.

В работе подразумеваются приложения в виде картографических материалов, планов, фотоматериалов.

Данная тема рассматривается не только в формате написания по ней данной магистерской ВКР, но и предполагается, что в дальнейшем автор будет так же вести исследования в этой сфере. Тема работы на данный момент уже частично апробирована участием автора и научного руководителя исследования в научных мероприятиях и публикацией текстов научных статей различного уровня, в том числе и на уровне ВАК.

ГЛАВА 1. ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ, ПРЕДВАРЯЮЩИЙ КОНФЛИКТ

1.1. Проекты и планы к достижению мира между Финляндией и СССР. Обстановка перед началом переговоров.

В данной главе и, конкретно – в этом пункте идет речь о том, с какого момента, собственно, начался интересующий нас дипломатический процесс. И этот момент важно определить и рассмотреть, потому что в дальнейшем – эти детали позволят ответить на ряд вопросов, не говоря уже о том, что таким образом находятся рамки описываемых в исследовании событий.

В ходе Советско-Финской войны 1941-1944 Финляндию можно было разделить, основываясь на отношения к идее перемирия / мира с СССР на две стороны: на стороны согласных или не согласных с ней. Военные в большей степени относились к стороне продолжения ведения боевых действий, к тем, кто готов был вести их на одной стороне с Германией и всячески поддерживал ту самую «отдельную борьбу» Финляндии против СССР. Конечно, с течением времени настроения многих из них менялись, в том числе это относится и к главнокомандующему, маршалу Финляндии Карлу Густаву Маннергейму – но их отношение и настроения существенно отличаются от тех, которые очень скоро после начала войны испытывали, писали и высказывали политики. Будь то специальные дипломатические представители, члены правительства, приближенные к президенту деятели – у очень многих из них существенно раньше наблюдаются мысли о скорейшем заключении мира и завершении войны.

Так, это становится ясно, читая дневниковые записи такого видного и известного деятеля как Юхо Кусти Паасикиви, который имеет прямое отношение к дальнейшим переговорам о мире. Записи о мире прослеживаются еще с середины 1942 года, тогда как в среде военных эти

настроения более-менее массово стали заметны лишь в конце 1943 – начале 1944 годов.

Конечно, обо всех деятелях, причастных к формированию политического курса - говорить в таком ключе невозможно. Политическая верхушка страны, включая президента – очень долго держалась военной стороны вопроса, правда ни сколько из-за идей победить советский союз, но боясь ответных реакций со стороны Германии, в том случае если бы они активно стали направлять страну к перемирию с СССР. Однако, о положении Финляндией между этими «молотом и наковальней» будет сказано в дальнейших пунктах. В данный же момент следует уточнить следующее: когда вопрос переговоров о перемирии, и в дальнейшем – мира, перешел от обсуждений к видимым и осязаемым планам действий.

Дело в том, что можно назвать две опорные точки во время хода Советско-Финской войны 1941-1944, когда вопрос мирных переговоров переходил от стадии высказываний односторонних идей к этапу планирования и зондирования обстановки (в чем видится существенная разница).

Первая такая опорная точка появилась в конце 1942 - начале 1943 года, когда впервые идеи и разговоры о мире между СССР и Финляндией были подкреплены предложением начала возможных действий для достижения мира. Данное явление затрагивает не только Советско-Финляндские взаимоотношения, но и тему настроений США по отношению к Финляндии. Несмотря на то, что о влиянии США на подготовку дальнейших, более обстоятельных переговоров речь идет в дальнейших подпунктах главы – это явление стоит отметить, так как это видится важным для понимания того момента, с которого следует рассматривать взаимоотношения между основными участниками конфликта в данной работе.

1.1.1. Попытки США вывести Финляндию из войны. Убеждение и посредничество.

Поначалу американская сторона пыталась как-либо уговорить Финляндию на ее собственные самостоятельные шаги, что видно в целой цепочке предложений к выходу из войны. В конце концов, она и привела к прямому предложению посредничества в данном вопросе, но начиналось все куда более пространно. Несколько раз в записях Ю.К. Паасикиви можно найти сведения о сочувствии США по отношению к финской проблеме, где американская сторона просила Финляндию выйти из войны. Однако, в ответ финны задавали вопросы о том, сможет ли США поддержать их страну ресурсами и средствами к жизни, если Финляндия пойдет на такой шаг – и на этом переговоры заходили в тупик, кроме одного момента, где США обещали дать финнам денежный заем для того, чтобы страна нормализовала свою жизнь по выходу из войны. Ни о переброске войск, ни о продовольствии со стороны США речи не шло, потому что – в первую очередь, становился вопрос о невозможности доставки всего этого в страну, которую контролировали силы Германии.

В конце 42 года после череды таких не возымевших действия попыток США уговорить финнов выйти из войны – американские политики стали говорить что «...Финляндия отдалялась от мира», а шведский посланник в Финляндии, Карл Вестман выразился следующим образом: «Финляндия вошла в самолет, но выбросила парашют» [22, с. 221].

В конце января 1943 года США снова предлагают Финляндии заключить мир с СССР, обещая всяческую помощь взамен [22, с. 236], однако это предложение так же не возымело действия. Все эти разговоры просто заходили в тупик, ввиду невозможности США оказать финнам тот уровень помощи, которой они от США ожидали, и ввиду чрезвычайной осторожности и оглядки самих финнов в сторону Германии. Куликов А. И. сообщает в своей статье, посвященной истории взаимоотношений

Финляндии и США в этот период – что часть подобных предложений встретили отговорки, граничащие с игнорированием со стороны Финляндии. Так, описывается случай, когда финский посол в Вашингтоне, Прокопе – в причину ставил непонимание истинных требований и устремлений США, что, скорее всего, так же является следствием осторожного поведения финнов, сотрудничающих с Германией [47, с. 3].

С внешнеполитической стороны, с точки зрения отношений к этому вопросу стран антигитлеровской коалиции – для финнов все в итоге складывалось так, что они оставались практически без союзников из стран Запада. Вопрос положения Финляндии в этой войне, и ее действиях на стороне Германии, а оттого – и вопрос, «как?» и «чем закончится для нее война?» – обсуждался ими, как участниками антигитлеровской коалиции на крупных конференциях мировых лидеров, противостоящих гитлеровской Германии и странам-сателлитам.

Так – финские темы затрагивали в Касабланке а еще позже – в Тегеране, о котором еще будет сказано дальше [56, с. 65], где руководители стран-союзниц обсуждали положение союзников Германии и вопросы безоговорочной капитуляции. Великобритания и США были согласны с полной капитуляцией Германии, Италии и Японии но те же Соединенные Штаты высказались, что они не могут требовать капитуляции от стран, с которыми они не находятся в войне, говоря, конечно же, о Финляндии. Ведь, на самом деле – действительно, войны (на данный момент) США Финляндии не объявляли, руководствуясь трактовкой участия финнов в войне лишь как «военных соратников» но не союзников Германии.

Уинстон Черчилль поддерживал (как это делал и раньше, и сделает в дальнейшем) идею того, что Ленинград должен быть в безопасности и понимал главенствующую роль советской стороны в данном регионе [56, с. 70], но так же он высказывал Сталину мысль о том, что он был бы очень огорчен, если бы что-то угрожало независимости Финляндии [69]. Однако,

кроме этой оговорки – британский премьер-министр отдал все решения по теме Финляндии в руки советского руководства.

США хоть так же и принимали главенствующую роль СССР в данных вопросах взаимоотношений с Финляндией, но все еще не оставляли попыток как-либо поспособствовать финнам, если они решат выйти из войны на данном этапе. Следующий и окончательный шаг стран Запада в этих попытках привести Финляндию к выходу из войны и к миру – был сделан в виде подготовки официального американского посредничества в урегулировании этих вопросов.

Нельзя быть уверенным точно, с кем первыми начали вести разговор США – с финнами или с Советским Союзом. Известна лишь разница дат – разговор с СССР по данной теме впервые состоялся 12 марта 1943 года, между послом В.Стэнли и В.Молотовым, тогда наркому был задан лишь подготовительный вопрос, касающийся отношения советского союза к тому, если бы США выступили посредников в налаживании отношений между двумя странами [47, с. 7]. Так же – США уведомили о данных действиях и Великобританию, от которой получили полное согласие и разрешение Соединенным Штатам Америки попытаться организовать налаживание дипломатических переговоров при их (Соединенных Штатов) посредничестве. Следующий раз Стэнли вернулся к Молотову с этим разговором уже 20 марта, когда и финнам уже был прислан соответствующий меморандум [47, с. 3, с 7].

Надо отметить, что советская сторона хоть и допускала возможность переговоров – но она со скепсисом отнеслась к действенности этого хода, сомневаясь в том, что финны смогут прекратить отношения с немцами и заключить мир на условиях, которые от них требовал СССР.

Высылка меморандума являлась официальным предложением США, в отличие от перечисленных выше предыдущих переговоров. Об этом можно

найти соответствующие записи в дневнике Ю.К. Паасикиви: «21.03.43. Поверенный в делах США в Хельсинки сделал предложение США о мирном посредничестве между Финляндией и Советским Союзом.» [22, с 251].

Статус данного предложения как официального – не давал Финляндии права просто проигнорировать его или сослаться на непонимание – потому ей нужно было решить, принять или отказаться от него [47, с. 3]. Многие в стране считали, что этой возможности нельзя упускать [22, с 252], но действовать решительно финской стороне мешали взаимоотношения с Германией.

К тому же – финны все еще ожидали более жестких условий к заключению перемирия. Если опираться на сведения из дневника Паасикиви - предварительными минимальными требованиями Союза к началу переговоров были [22, с. 262]:

- Территориальные границы должны оставаться в рамках Московского договора, исключение могло быть сделано лишь в сторону Выборга и прилегающих к нему территорий
- Финляндия должна была отвести войска на 15 км. от границы, отдать военным Советского Союза оружие, которое задействовано для обороны именно этих территорий в рамках 15 км.
- Естественно, прекращение взаимоотношений Финляндии и Германии.

Тот же Паасикиви считал эти условия слишком хорошими, и не доверял словам уполномоченного представителя СССР – мадам А.М. Коллонтай, которая верила в уступчивость Сталина. Однако, время уходило – а решать вопрос с предложенным посредничеством США было нужно. В Финляндии была созвана комиссия, и как раз тогда Финляндия сделала

довольно опрометчивый шаг, который не только не отдалил – но даже сблизил ее еще больше с немецкой стороной.

Было решено, что сам Х. Рамсай лично, в строгой секретности отправится к министру иностранных дел Рейха, Риббентропу и спросит совета в этой ситуации. После того как от Кивимяки, финского представителя в Берлине – был получен утвердительный ответ Риббентропа о его возможности принять финского министра – Рамсай вылетел в Берлин; одновременно было решено запросить в Вашингтон о более подробных условиях сотрудничества [47, с. 3]. Как и ожидалось, Риббентроп был категоричен, когда в весьма резких настроениях на протяжении 1,5 часа высказывал свою позицию Рамсаю (и, конечно же, позицию Рейха и Гитлера) в этом вопросе, после чего в Финляндии было принято решение отказаться от возможного заключения перемирия с СССР при посредничестве США [47, с. 6] . Что очень важно, и о чем будет упомянуто в дальнейшем – в этом разговоре было высказано желание министра иностранных дел Рейха заключить с Финляндией некий договор о сотрудничестве [22, с. 260], отсутствие которого до этого момента финны подчеркивали, вкладывая этот факт в понятие своей «отдельной войны». Однако, пока, на данный момент – эта идея осталась лишь на словах, но что можно сказать совершенно точно – так это то, что отношение Германии к Финляндии значительно охладело. Фюрер, видя проявляющиеся сепаратистские настроения [25, с. 195-196], через Риббентропа угрожал финнам, что если они воспользуются идеей сепаратного мира – в свою очередь, Германия сама станет думать над подобным решением, оставив Финляндию один на один с СССР.

Итого, Финляндией для США был подготовлен и отправлен соответствующий ответ, содержание которого было следующим: «...финское правительство не получило соответствующих подтверждений тому, что в существовавших условиях начавшиеся переговоры могут обеспечить

Финляндии надежные гарантии ее безопасности, ради которых финский народ сражается с 1939г.» [47, с. 6].

Отправив этот ответ, финны ожидали худшего. Даже отказавшись от помощи под угрозой вполне реальных санкций со стороны Германии, от поддержки которой Финляндия сильно зависела - желательно было сохранить хотя бы нейтральные взаимоотношения. Т. Х. Рейникка, один из членов комиссии, которая была задействована в процессе подготовки ответа Вашингтону опасался что «...США, пожалуй, скоро объявят нам войну.» [22, с. 256].

Этого, в данный момент, конечно, не произошло, но финнам была отправлена весьма конкретная, не допускающая иных толкований нота, в которой говорилось что «Это последний раз, когда США предлагают помощь Финляндии...» – в варианте отказа было сказано что в этом случае «...США оставляют Финляндию» [22, с. 256].

На протяжении всего апреля 1943 года переговоры о возможном перемирии СССР и Финляндии велись Соединенными Штатами. Американцы предполагали, что если об этих разговорах станет известно в Германии (или, если быть точным «когда об этом узнают в Германии») – на Финляндию будет усилено немецкое давление, о чем и было уже сказано выше. Наконец, в США были вынуждены признать нецелесообразность дальнейшей посреднической деятельности в налаживание взаимоотношений Финляндии и СССР, уже 19 апреля госсекретарь Хэлл направил Рузвельту телеграмму о развитии взаимоотношений и указал то, что Финляндия из-за усиленного влияния Германии утратила всякую способность к самостоятельности решений. Уже в скором времени США организовала практически полный вывоз американских дипломатов из Хельсинки в Стокгольм, оставив лишь одного посла и его помощника, а так же вручили соответствующий меморандум [47, с. 9].

Итого – попытки США наладить переговоры о выходе Финляндии из войны – не удались. Известный финский историк К. Йокисипиля считает, что основная причина неудачи – в том, что США было нечего предложить Финляндии [47, с. 13], и с этим сложно не согласиться. После своего отказа Финляндия, боящаяся немецких санкций – всячески старалась убедить Германию в своей все еще сохраняемой лояльности - в том числе и тем, что на определенное время перестала вести громкие разговоры о каком-либо мире, продолжая вести войну.

1.1.2. План-воззвание авторства О.В. Куусинена.

Занимательным проектом вывода страны из войны может считаться «план» О.В. Куусинена, президента Верховного Совета Карело-Финской ССР, о котором он осведомил Сталина в феврале 1943 года. Куусинен принадлежал к числу тех, кто являлся оппозицией идее близкого сотрудничества с Германией, и когда мысли о выходе из войны в начале 1943 года все более распространялись по стране – руководивший в тот момент Коминтерном Г.М. Димитров в конце февраля вызвал Куусинена в Москву, где ему предложили разработать план сепаратного мира для Финляндии.

Однако, этот план был более эмоциональным, пропагандистским ходом. Текст плана Куусинена, который уже третьего марта 1943 года был отправлен Сталину и Молотову в письме Димитрова [64, с. 311] – был пространственным, несущим сильную эмоциональную окраску, но не предлагавшим каких-либо конкретных деталей пунктов к достижению сепаратного мира. Строки этого плана содержат следующие пункты (текст взят напрямую из письма Димитрова) [46, с. 356 – 362]:

- во-первых: решительно порвать союз Финляндии с гитлеровской Германией;

- во-вторых: немедленно прекратить военные действия против СССР и отвести финляндские войска с территории Советского Союза;
- в-третьих: обратиться к правительству Советского Союза, а также к правительству Англии с предложением о заключении сепаратного мира.

Кроме этого перечня в письме есть требования, которые, как и следовало ожидать – полностью удовлетворяли бы условиям СССР: «Пора решительно отбросить всякие захватнические цели войны, прекратить военные действия и незамедлительно отозвать финляндские войска с территории Советского Союза за пределы законных границ Финляндии, установленных в мирном договоре 1940 г.» [46, с. 359 - 360].

Кроме этих более-менее ясных условий, на которых, согласно «плану» следовало разворачивать какую-либо деятельность – в письме более не содержится ничего, что позволило бы считать этот план (или, его скорее можно назвать воззванием или обращением) чем-то большим, чем средством пропаганды.

Известно, что О.В. Куусинен собирался уточнить и доработать его, что возможно и изменило бы данную выше характеристику, но приблизившийся и свершившийся в мае 1943 роспуск Коминтерна остановил работу Куусинена над ним. План остался в том виде, в котором он существовал в мартовском письме к Сталину, который, к слову, позже - запретил его публиковать [56, с. 69].

1.1.3. «Письмо 33-х»

Идеи о необходимости вывода страны из войны нашли выход в итоге и в высших политических кругах, где находилось множество политиков, которые так же считали прогерманский военный курс страны неверным, или по крайней мере, уже зашедшим слишком далеко.

Данное утверждение находит подтверждение в публикации так называемого «письма 33-х» или «адреса 33-х» – документа, от 20 августа 1943 года, составленного тридцатью тремя видными деятелями из политических кругов страны, адресованного высшему её руководству – президенту Ристо Рюти [18, с. 254 ; 30, с. 340]. Что очень важно – письмо было не просто отослано президенту, но опубликовано в газетах.

Основными темами «письма» стала обеспокоенность отсутствием продвижения на фронтах (а оттого ставился вопрос о целесообразности риска войск) и ухудшение положения страны на внешнеполитической арене. В основном, в последней теме затрагивался вопрос ухудшающихся все больше и больше отношений с США. Потому, первым доводом, который пытались донести авторы «письма» стал следующий: «По нашему мнению, одной из важнейших целей внешней политики в ближайшее время следовало бы считать стремление восстановить добрые и основывающиеся на доверии отношения с Соединенными Штатами Америки.» [18, с. 255].

Так же авторы подчеркивали то, что финны были согласны вести войну для достижения самостоятельных целей, но столь сильное участие страны в войне великих держав – было уже неприемлемо для Финляндии: «...мы хотим лишь кратко заявить, что, по нашему мнению, необходимо, чтобы государственное руководство приняло такие меры, с помощью которых мы смогли бы выйти из ведущейся великими державами войны и путем требуемых ситуацией переговоров обеспечить нашей стране самостоятельность, свободу и мир. На наш взгляд следует немедленно начать изучение и зондаж такого рода возможностей.» [18, с. 255].

Содержание опубликованного письма встретило резкую критику сторонников прогерманского курса – Вяйнё Таннера и Эдвина Линкомиеса. По большей части политическая верхушка страны боялась, что подобные публикации, исходящие напрямую из Финляндии – обратят на себя внимание Германии, что пагубно отразится на состоянии страны. Таннер говорил, что

его содержание «...причинило стране вред, создав за границей представление о том, что здесь будто бы имеются разногласия, тогда как здесь налицо имеется единомыслие. Говорить о мире опасно» [18, с. 144 – 145].

Таким образом, выше изложено несколько совершенно разных попыток разработки и приведения в действие проектов вывода Финляндии из войны. Первая – является примером наведения дипломатических отношений на официальном уровне путем посредничества третьей стороны. Вторая – попытка достижения той же цели, но путем работы пропагандистского механизма, направленного не на политические верха двух стран, но больше на общественность одной Финляндии. Наконец, третий проект, высказанный в «письме 33-х» – который является публичным высказыванием идей о мире уже не со стороны общественности и простых людей, но со стороны крупных политических деятелей.

1.1.4 Начало секретных переговоров с посредничеством Швеции.

Следующими действиями, которые действительно привели к выходу Финляндии из войны – была цепочка событий, которые инициировала сама Финляндия. Это произошло уже в ноябре 1943 года, когда секретарь шведского МИДа, Эрик Бухеман, сообщил Александре Михайловне Коллонтай, советскому полпреду в Стокгольме – что финское правительство желает заключения мира с СССР [35, с. 179 ; 61, с. 92]. Конечно, до решения о заключении мира еще говорить было далеко, и финны скорее желали узнать о факте самой возможности перемирия, а после – мира с СССР и попытаться понять требования и условия Союза на данный момент. Так что – этот этап можно назвать подготовкой, «зондированием/зондажем обстановки» для подготовки возможных переговоров.

Уже 20 ноября А.М. Коллонтай попросила Бухемана сообщить финским властям, что Хельсинки могут направить в Москву делегацию для переговоров [35, с. 179 ; 18, с. 358]. Так же ей было передано сообщение

финнам о том, что известно о том, что СССР не собирается требовать безоговорочной капитуляции от Финляндии.

Нужно отметить, что Швеция здесь (и в дальнейшем) выступает посредником в налаживании и ведении переговоров, что неслучайно. Швеция еще в войну 1939-1940 годов являлась помощницей Финляндии, снабжая ее, когда она вела войну против СССР [55, с. 213-214]. В отчетах Коллонтай были сведения о наблюдении СССР за политикой Швеции и влиянием в ней нацистской пропаганды в начале войны [1, л. 26, 31]. Теперь же, когда становилось ясно, что война перешла на следующий этап – нейтральная Швеция решила показать СССР свою помощь в урегулировании дел с Финляндией, для того чтобы в том числе, поправить и свое собственное положение во взаимоотношениях с Советским Союзом [60, с. 326]. Несколько раз за время ведения этих переговоров Швеция проявляла довольно сильное рвение к убеждению финнов принять те или иные условия Советского Союза [58, с. 134 – 135].

1.1.5 Тегеранская конференция. Условия выхода Финляндии из войны.

О вопросе Финляндии в Тегеране говорили в последнюю очередь, и разговор был недолгим, потому что на повестке дня стояли еще и такие крупные и требующие обсуждения темы как победа над Германией и капитуляция Японии [56, с. 65].

Сталин требовал от Финляндии закрепления тех границ, что были установлены по итогам Московского мира. Рузвельт высказался о том, что финны могут согласиться на них, но скорее всего, будут претендовать и на Выборг, на что Сталин ответил категорическим отказом [56, с. 66]. В разговорах с Черчиллем Сталин высказал детали территориального характера. Так, аренда базы в Ханко могла быть заменена на постоянное владение Петсамо.

В иных вопросах условия были куда мягче. Вообще – условие границы являлось «камнем преткновения» с самого начала и до самых последних решающих моментов установления пунктов договора о перемирии между Финляндией и СССР. В остальном же – Финляндии собирались сохранить независимость – Сталин уверил коллег в том, что никто не собирается делать из Финляндии провинцию СССР, только если финны сами не вынудят к этому шагу. Выше можно было прочесть, что те же самые слова передала Финляндии от СССР А.М. Коллонтай [56, с. 66]. Интересно, что когда в октябре главы ведомств трех стран обсуждали капитуляцию Германии и сателлитов – этот же итог предполагали и для Финляндии, которую считали одним из самых опасных союзников Германии. Даже была начата подготовка плана капитуляции, которая имела пункты вплоть до оккупации Аландских островов, но он на время был отложен [56, с. 68].

Так же, было упомянуто, что Финляндии в целом будет предоставлена самостоятельность и свобода действий, если она возместит ущерб, нанесенный ей за время войны. В качестве таких репараций могли считаться поставки разнообразных товаров (бумаги, древесины, и т.д.) в течении срока 5-8 лет. В дополнение к словам, приведенным выше – надо привести цитату: «Если Финляндия не будет возмещать нам ущерба, то мы оккупируем некоторые ее районы, чтобы заставить ее платить...» [54, с. 221].

Так же, естественно, требовался разрыв отношений с Германией, а так же реорганизация/демобилизация армии Финляндии с ее переводом на мирный статус.

Весьма важно, что на этом этапе – не было столь категоричных настроений о том, с кем именно СССР будут готовы идти на диалог. Так, Сталин высказался желание, что, было бы лучше вести разговор не с прогерманскими представителями, но сказал, что переговоры можно вести и «и с Рюти и даже с самим чертом, если финны его пошлют к нам.» [56, с. 67].

Весь этот описанный в данном пункте первой главы список событий, проектов и планов – показывает следующее:

- Постепенно Финляндия осталась, фактически «один на один» с СССР в плане решения вопросов мира, и в тоже время – «между молотом и наковальней», так как влияние Германии было велико.
- Несмотря на то, что с финской стороны часть условий были отнюдь не гибкими (а в отношении границ вообще – нежелательными) – на данном этапе (этапе конца 1943 года) они были сравнительно мягкими.
- Во многом – более быстрому действию финнов по данным перечисленным выше планам и проектам препятствовала осторожность и боязнь ответных санкций со стороны Германии. Потому, исследователи считают, что мир Финляндии с СССР был сильно затянут (сами финны во многом были с этим согласны). Например, Н. И. Барышников пишет, что Финляндия могла достигнуть мира гораздо раньше, чем 19 сентября 1944 года. История не знает сослагательного наклонения, но если предположить, что финны заключили бы мир раньше – то, скорее всего итог исследуемой в этой работе «Лапландской войны» был бы уже инициирован самими немцами с севера страны, не говоря уже о прекращении всех поставок и помощи финнам.

Так началась целая цепь событий, когда Финляндия старательно лавируя между амбициями двух стран – СССР и Германии, пыталась найти и добиться для себя наиболее выгодных условий выхода из войны. В дальнейшем пункте рассматриваемый ход переговоров, которые привели в итоге к перемирию, а оно, как следствие – к новому конфликту, Лапландской войне.

1.2. Начало и ход переговоров. Характеристика всего дипломатического процесса и его многоэтапность. Влияние на принятие решений финской стороной Швеции, США и Великобритании.

1.2.1. Периоды и этапы дипломатического процесса выхода Финляндии из войны.

Стоит отметить, что у всего процесса от его начала и до конца есть этапы, на которые он разделен. В первую очередь следует делить их на: начальные, подготовительные, в данном случае – еще и неофициальные меры зондажа, и на полноценное ведение переговоров. Речь идет не о секретности, в данном случае все подобные переговоры за исключением их частей, которые публиковались в прессе – являлись секретными. Речь скорее идет об официальной и неофициальной взаимодействиях.

Однако более существенно и верно будет разделить этапы развития дипломатического процесса относительно положению на фронтах и по хронологическому принципу. Весьма подробное и основательное деление можно найти в работах Н.И. Барышникова [35 ; 36].

Во-первых, ученый делит весь процесс на два больших периода [35, с. 175 – 186 ; 36, с. 200]. Первый длился с августа 1941 по октябрь 1942 года. Этот период не затрагивается в данном исследовании, так как конечная цель – связана больше с Лапландской войной, чем со всем периодом Советско-Финской войны, но и рассматривать только конфликт Лапландской войны без предыдущей истории заключения мирного договора – нельзя. Основные положения мирного договора в 1944 году уже были сформированы именно к концу 1943 года в примерно том виде, в котором были приняты в итоге – потому первый этап дипломатического процесса, связанного с войной и было решено упустить.

Второй этап – непосредственно рассматривается практически целиком в данной работе, и у Н. И. Барышникова он подразделяется на еще несколько частей [35, с. 176]:

- с января по середину 1943 года
- с лета по сентябрь 1943 года
- с ноября 1943 по апрель 1944
- вторая половина июня 1944 года
- конец августа – сентябрь 1944

Исходя из этого многоэтапного разграничения, можно сделать заключение о том, что дипломатический процесс был чрезвычайно сложным – в первую и главную очередь для Финляндии. Его можно характеризовать как многослойный, сложенный из нескольких этапов и вмещающий примеры самых разнообразных приемов дипломатии, которые использовались всеми сторонами процесса (Финляндией, Германией и СССР).

Именно к первой из этих перечисленных этапов относится описанная в пункте выше попытка американцев стать посредниками при налаживании и заключении мира между Финляндией и СССР. Финны действуют на этом этапе, как можно заключить из всего уже сказанного – осторожно, как пишет Н.И. Барышников – «окольными путями» [35, с. 177 ; 36, с 200]. Прямой зондаж ситуации самими финнами на этом этапе не применялся, как известно – в основном попытки наладить отношения взяли на себя США в качестве посредника.

Второй этап – был почти таким же по уровню инициативы Финляндии, но действовать финны стали намного более скрыто, помня о реакции немцев на их общение с США в прошлый раз. Так, существовала попытка передать заведомо неприемлемые условия мира в СССР посредством посланника в Стокгольме, Георга Гриппенберга [59, с. 114]. Так же имел место план по решению вопроса о сепаратном мире с помощью союзных войск западных

держав. Этот план подразумевал десантную высадку в Заполярье, что помогло бы убрать немцев с территории Лапландии и таким образом показать лояльность заключению мира с СССР. Главное отличие от предыдущего этапа – более скрытное ведение зондажа Финляндией. В случае же, если немцы начинали подозревать за теми или иными действиями попытки поиска способа выйти из войны или связаться с СССР – из Хельсинки их уверяли в том, что все эти действия носят самостоятельный характер и не были санкционированы правительством [35, с. 178].

Моментом начала активного, но поначалу все еще неофициального ведения переговоров о мире Финляндии и СССР следует считать середину ноября 1943 года – то есть, третий этап согласно вышеприведенному делению. В Финляндии У. Кекконен в разговоре с Ристо Рюти высказал мнение, что был достигнут момент, «когда необходимо от имени правительства Финляндии официально предложить Советскому Союзу начать переговоры о мире» [35, с. 179].

Выше в исследовании уже было упомянуто, что первый контакт с СССР был сделан через Э. Бухемана в Швеции, который через А. М. Коллонтай передал в СССР предложение финнов. «Финляндия не хочет оказаться в новой войне, на этот раз с Германией...» – сообщал в одном из разговоров Бухеман Коллонтай [22, с. 294].

В ответ на это предложение было сообщено, то представителей Финляндии ждут в Москве, и поинтересовались о том, какие условия Финляндия считает приемлемыми для заключения мира. Ответ финской стороны был сведен к условию территориального характера, чтобы советско-финская граница была восстановлена по образцу договора 1939 года с возможными поправками в пользу СССР. Надо сказать, что в этот момент переговоры могли бы быть уже закрыты, а контакты оборваны, потому как тема границ по образцу договора 1939 или 1940 года – является «камнем преткновения» и сутью конфликта интересов СССР и Финляндии. Оба

государства считали это условие, придерживаясь при этом образцов разных договоров – важнейшим и не подлежащим обсуждению или изменению, каждый со своей стороны старался держать свою точку зрения.

Однако, на данном этапе, хоть и в СССР холодно отнеслись к такому весьма ожидаемому ответу – контакты были сохранены и диалог продолжился. 20 декабря 1943 года поступил ответ из Советского Союза, где говорилось о готовности обсуждать условия мирного договора [35, с. 179].

Как и Бухеман, так и Коллонтай – понимали что переговоры, даже несмотря на шведское активное участие в попытках убедить финнов принять советское предложение – могут привести к тому же итогу что и прошлые попытки наладить взаимоотношения СССР и Финляндии. Потому было решено прибегнуть к неофициальным секретным переговорам через особых представителей от СССР, Швеции и Финляндии. Со стороны СССР участвовала сама А. М. Коллонтай, организацию места проведения встреч и контакта с финнами взял на себя шведский банкир Маркус Валленберг, деятельность которого была в том числе - в финансировании ряда компаний в Финляндии. На роль посланника от Финляндии Коллонтай видела Юхо Кусти Паасикиви [56, с. 76].

1.2.2. Метод демонстрации силы на пути к миру: авиация как прием убеждения

Параллельно подготовке этих переговоров – СССР планировал использовать силу для того чтобы еще быстрее «убедить» финнов не медлить с ответами на условия мира и ускорить процесс выхода из войны. Очень интересную деталь можно найти в книге К. Рентола, где написано – что первая бомбардировка, состоявшаяся с 6 на 7 февраля – возможно была запланирована либо к тому моменту когда там будет находиться Валленберг, которого Коллонтай попросила содействовать в посреднической миссии убеждения финнов прислать представителя. Либо, что вернее – сама Александра Михайловна могла установить Валленбергу это число для того

чтобы лишний раз убедить его, что Финляндии действительно нужно идти на мирные соглашения. Рентола ссылается на дневники дипломата В. Ерофеева, но кроме этой подробности, сложно найти упоминания об этом где-либо еще [56, с. 75]. Еще до того как Союзом был дан ответ, что с финнами готовы обсуждать вопросы условий мира – в начале декабря Сталин высказал идею о том, чтобы заставить выйти финнов из войны с помощью сил дальней авиации. Об этом подробно пишет, ссылаясь на мемуары маршала авиации А.Е. Голованова [19] В. Никитин в книге « Пылающие города. Советские бомбардировщики в небе Финляндии 1939-1944» [54, с. 222]. Сам Голованов вспоминает, что разговор состоялся в районе 5-6 декабря 1943 – то есть, спустя несколько дней после завершения Тегеранской конференции: «Как-то сразу разговор переключился на другие темы, и Сталин без всяких предисловий перешел к необходимости вывода из войны Финляндии. Его интересовал вопрос, можем ли мы, не проводя наземных операций, силами одной авиации заставить правительство Финляндии выйти из войны. К концу 1943 года мы имели в АДД уже порядка тысячи боевых самолетов и могли выполнять задачи большого стратегического значения. Такая масса самолетов могла без особого напряжения совершить, скажем, налет, подобный налету англичан на Кельн, где участвовала тысяча самолетов. Как известно, результаты этого налета были устрашающими.» [54].

Эта идея с использованием авиации дальнего действия (АДД) прекрасно демонстрирует один из приемов, когда к пути дипломатического решения вопроса – одного из собеседников пытаются подвести с помощью силовых ходов [69, с. 154]. Мотивация Финляндии, как для ожесточенных упорных боев, так и для согласия сесть за стол переговоров, была известна. Они боролись за территории своей страны, а налеты авиации на ее столицу, планомерно засыпаемую бомбами – могли ускорить их действия, которые бы подстегивал страх перед тем, что в итоге отстаивать им может быть уже нечего, в случае если промедление затянется.

Подготовка к налетам шла усердно, и первый налет на Хельсинки, который был подготовлен силами АДД в рамках идеи устрашения противника – случился с 6 на 7 февраля 1944 года, в воскресенье [54, с. 229]. Целями налета не было население – действовал приказ воздержаться от бомбежек гражданских кварталов. Среди целей числились: склады, железнодорожный узел, причалы в районе Катаянокка и Яткяссари, и основной посыл этих налетов был в устрашении, убеждении и всяческом ускорении финнов в вопросе принимаемых ими решений по поводу мира с СССР [] (См. рис. 1.1., рис. 1.2., рис. 1.3.).

В целом – первая боевая стратегическая операция с использованием АДД не была примечательной в плане пораженных целей [54, с. 235]. За две атаки в период с 6 на 7 февраля 785 самолетов сбросили на Хельсинки 6443 бомбы (половина из которых была зажигательными), на саму столицу упала 331 бомба, что является 4,7 % от всего количества. Несколько целей из тех, что были намечены – не пострадали вовсе, и, как отмечает В. Никитин – примечательно, что среди них так же и оказалась железнодорожная станция Пасила, что позволило войне как таковой – продолжиться. Дело в том, что в этот день на этой станции стоял поезд самого Карла Густава Маннергейма, который приехал туда из Миккели, весь день принимая у себя финских политиков и военачальников, налет начался как раз после того как встреча с премьер-министрами Э. Линкомиесом, В. Таннером и министром внутренних дел Л. Эрнрутом была завершена и гости уезжали со станции. Если бы в тот вечер авиация СССР бомбила так же и станцию Пасила – вполне возможно, что война бы была завершена уже в этот момент, пусть и совсем не так как кто-либо мог ожидать [54, с.238 - 239]. Однако, это лишь предположение, а история, как известно – сослагательного наклонения не знает.

Еще один налет – на город Котку, произошел с 10 на 11 февраля [54, с. 243], а следующий, второй массированный налет на Хельсинки – с 16 на 17 февраля (См. рис. 1.4) [54, с. 247]. Налеты были и в дальнейшем, например -

на Турку, 22 февраля [54, с. 248 - 249], снова на Хельсинки с 26 на 27 февраля, которая так же совпала с приездом в город маршала Финляндии.

1.2.3. Секретные переговоры Ю. К. Паасикиви и А. М. Коллонтай.

Возвращаясь к 16 февраля – надо понимать, что как раз в этот день в Стокгольме состоялась первая встреча полпреда А. М. Коллонтай с Ю. К. Паасикиви. Таких встреч всего было три – 16, 19 и 21 февраля 1944 года [58, с. 134]. Все они носили, безусловно – строго секретный характер (в первую очередь, для Германии). Приезд Паасикиви в Стокгольм не остался незамеченным для прессы, и он был вынужден говорить, что он приехал «чтобы купить книги» и даже был вынужден имитировать деятельность в этом направлении [58, с. 141].

Первая встреча была обозначена Молотовым как неофициальная и проверочная. СССР хотел убедиться в твердости намерений финнов выйти из войны и хотел знать, что станет говорить Паасикиви [56, с. 78]. Разговор длился около полутора часов, где Паасикиви сообщил, что он является уполномоченным представителем правительства и намерен уточнять условия, выдвинутые СССР. Так же - в разговоре с Коллонтай он подтвердил то, в вопросе границ – проблемным местом является Ханко, территория, отданная в аренду. Так же Паасикиви передал вопросы от Маннергейма, касающиеся демобилизации – ведь суверенитет предполагает право решать данные вопросы самостоятельно, а так же – потребует ли СССР воевать финнов с немцами, и будут ли оккупированы те или иные районы страны. Как можно видеть – вопрос о присутствии и уходе немцев из страны уже тогда (да и раньше) – вызывал опасения у финнов, которые если и хотели разорвать с ними отношения и вывести из страны, то желали сделать это мягко, обращаясь с ними не как со старыми боевыми побратимами. К тому же – уход немцев уже тогда представлялся сложным с точки зрения самих возможностей этого предприятия [56, с. 78 – 79].

Паасикиви был несколько разочарован тем, что в разговоре не последовало особой конкретики со стороны Коллонтай – однако, тут стоит вспомнить указания Молотова и статус этой встречи, под которым он ее видел, и то, что Паасикиви об этих деталях, конечно же, не знал.

После этого - вечером 19 февраля Паасикиви были предоставлены условия перемирия с СССР [3, л. 1]. Встреча длилась около получаса, Паасикиви, по словам Коллонтай – держался спокойно. Условия были следующими [56, с. 79]:

- Разрыв отношений с Германией и интернирование немецких войск, с чем может помочь СССР
- Повторное вступление в силу договора 1940 года и отход финнов за границу
- Возвращение попавших в плен и мобилизованных для работ граждан СССР

До переговоров в Москве отложены условия по демобилизации, возмещению ущерба, и Петсамо. Что очень важно – эти условия ставились под заголовком перемирия, и не являлись целиком и полностью условиями этого перемирия: например - первое, о разрыве отношений с Германией. Это условие являлось предварительным для того, чтобы приступить к переговорам, и переговорам не о мире, но о перемирии. Паасикиви так же заметил разницу между этими формулировками, но Коллонтай на его вопросы о том, будет ли первое следовать за вторым – не ответила, не имея на то указаний и сведений. Условие, связанное с немцами он считал сложным, но приемлемым и ожидаемым – с облегчением он извлек из него, что от Финляндии не требуют напрямую воевать с немецкими силами. Так же он настоял на вопросе Ханко как на проблеме чрезвычайной важности.

От Молотова пришли разъяснения по поводу высказанных Паасикиви вопросов – в частности, речь шла о Ханко. Он отметил, что если Финляндия

примет условия договора без промедлений – то компромисс с территорией Ханко можно будет попытаться найти [56, с. 80].

Во время третьей встречи с Паасикиви, 21 февраля – А. М. Коллонтай передала ему эту информацию, а так же о том, что касалось интернирования немцев и демобилизации войск Финляндии, о чем так же справлялся Юхо Кусти в прошлую встречу. Паасикиви ответил, что условие демобилизации нельзя диктовать в форме приказа, т.к. это может сильно ударить по Маннергейму, что, в свою очередь – затруднит и замедлит дело [56, с. 80].

Интересно, что в историографии информация в отношении дат переговоров и поданных на встречах сведениях – расходится. Так, Р.А. Садомцева пишет об этой особенности, что дата 19 февраля не во всех публикациях значится как дата передачи условий Паасикиви [58, с. 141], и что видный шведский историк Хенрик Мейнандер указывает [52] в качестве даты передачи условий 21 число. Автором данного исследования представляется, что здесь имеет место вопрос интерпретаций толкований, таких как «впервые переданные» и «все что были переданы» Паасикиви. В первом случае – действительно, многие авторы пишут о том, что список условий А.М. Коллонтай передала именно 19 февраля. В том числе - это написано в самой новой (на данный момент) использованной в исследовании публикации под авторством Киммо Рентола. В случае же толкования условий как всех тех, включая разъяснения или уточнения, что были даны Молотовым – то верным будет и дата 21 февраля, как то указано у Х. Мейнандера. К слову, в этом случае – дату получения полных на тот момент формулировок условий, присланных СССР в Стокгольм можно считать даже позднее, чем 21 февраля, потому как вышеупомянутый К. Рентола пишет, что «окончательный вариант получили в Стокгольме только после отъезда Паасикиви» [56, с. 80 – 81].

Важным фактом стало так же то, что эти предварительные условия были допущены к публикации. Публикация каких-либо сведений такого

уровня, как данные об условиях мира, или встреч между представителями воюющих государств – может быть весьма сильным приемом, направленным либо на общественность одной из договаривающихся стран, либо на реакцию других государств. К. Рентола пишет о том, что это было сделано не в порядке вещей – но с умыслом, в виде намеренной «утечки информации», которая была призвана активизировать движение общественности в Финляндии, еще больше склоняя правительство страны к выходу из войны [56, с. 81]. Немцы же, узнав о новых переговорах финнов с СССР сделали заявление в финский МИД через своего посла в Хельсинки, что выход из войны будет рассмотрен ими как преступление финского народа против Германии со всеми вытекающими последствиями [29, с. 489].

Паасикиви, уезжая – сообщил, что новости из Финляндии по поводу новых условий следует ждать через 5-6 дней. В Финляндии полученные условия обсуждались впервые 23 – 24 февраля. Паасикиви очень рекомендовал принять их, пока они не стали более жесткими, однако в правительстве с его мнением согласны были не все, потому что финны опасались, что за этими условиями будут стоять другие, о которых им еще не сообщили, но подразумевают.

СССР был отправлен ответ следующего содержания: Финляндия была согласна продолжить переговоры, но финны не могут принять этих условий, пока не будут уверены в их точном и окончательном толковании. После трех встреч Паасикиви – переговоры в Стокгольме между СССР и Финляндией не возобновлялись.

Существуют сведения, что о целях поездки Паасикиви в Стокгольм немцы узнали или догадались – во всяком случае, немецкие газеты писали о ней и связывали с возможным вопросом перемирия. Но, что интересно – в Германии не связывали (во всяком случае, публично) самого Паасикиви с Финляндией – разумеется, на уровне официальности поездки. Сам Паасикиви размышлял об этом позже в своем дневнике: «Немцы очень плохие и пустые

политики. Но они не настолько плохи и пусты, чтобы считать, что в такую поездку (в Стокгольм) я отправился по собственному паспорту и по собственной инициативе. Немцы считают сейчас за лучшее представить дело так, чтобы правительство Финляндии оказалось бы непричастным, и было бы невиновным, и что виноват был только я один. Негодный способ действия для немцев»[22, с. 330].

Сложно судить о степени осведомленности немцев, но сведения выше – из прессы и основанных на ней записях дневника. Н. И. Барышников же пишет о том, что когда Берлине узнали о переговорах Паасикиви – из столицы Рейха последовали угрозы, которые в будущем повторятся [35, с. 180].

Говоря о важности и значении этих трех встреч – часть исследователей пишут о том, что они, в действительности, очень мало на что повлияли. Например, так писал Н.И. Барышников – что эти переговоры не приблизили Финляндию к выходу из войны «ни на один шаг» [35, с. 179]. Конечно, глядя на то – как далек момент подписания перемирия – с этим можно согласиться, но оценивая степень осторожности и склонности к затягиванию процесса со стороны финнов, можно сказать следующее. В том случае, если бы эти переговоры не состоялись – то финны, скорее всего не смогли бы продолжить диалог с СССР на почве невыясненных конфликтов интересов по теме определенных моментов, а так же – в разговоре с СССР напрямую Финляндия не пришла бы к такому итогу, к какому позволило прийти участие А. М. Коллонтай в качестве участника переговоров [31, с. 148 ; 43, с. 236]. Ее манера передачи сведений часто включала либо более сглаженные формулировки, либо включение собственных характеристик тем или иным обстоятельствам в телеграммах. Более жесткий диалог с Молотовым мог отпугнуть финнов продолжать переговоры, и эта смягчающая, промежуточная часть процесса все равно бы настала – но позже, что могло

так же сыграть свою роль, впрочем, какую именно: положительную или отрицательную - сказать сложно.

1.2.4. Новая ступень уточняющих переговоров и разрыв диалога

Весной 1944 года от финнов ждали продолжения переговоров. Ждал СССР, ждала Швеция, которая продолжала уговаривать Финляндию не медлить и возобновлять диалог. В Финляндии медлили по причине все той же осторожности. Теперь к страху санкций со стороны Германии добавились угрозы расколоть общество страны на два лагеря.

В основном опасения были связаны с одной стороны – с отказом от сотрудничества с Германией (многие в обществе все еще расценивали ее как союзника) и с условиями границ 1940 года. Так, Линкомиес и Рамсай считали, что для удержания населения от разделения можно использовать авторитет Маннергейма. Это - один из первых случаев, когда среди членов правительства была высказана идея использовать статус и репутацию маршала в качестве инструмента сдерживания недовольства в случае негативного отношения к условиям перемирия. Однако – Маннергейм наотрез отказывался идти в политику, считая, что его дело – командовать войсками.

3 марта 1944 финнами был подготовлен ответ на условия СССР следующего содержания: «Правительство Финляндии тщательно изучило и обдумало условия Советского правительства, но не может отнести к ним как к таковым» [22, с. 324]. Данное заявление считалось отказом. Однако, министр иностранных дел Швеции, К. Гюнтер счел его слишком резким, и потому правительство 7 марта подготовило новый текст [22, с. 327]. В нем говорилось о том, что финны готовы пойти на переговоры для уточнений по вопросам интернирования войск ввиду того, что этот вопрос очень сложен. 8 марта он был отправлен, а 10 марта финнами был получен весьма неудовлетворительного настроения ответ СССР, где было сказано об окончательности и элементарности условий, и что разговор по вопросам

интернирования может быть начат только в случае принятия финнами остальных пунктов [3, л. 3]. СССР установил срок до 18 марта, после которого диалог считался бы разорванным по причине неоправданного затягивания переговоров.

Весьма негативно отнеслись к промедлениям Финляндии Соединенные Штаты, ранее стремившиеся содействовать финнам в случае их выхода из войны. Если «дверь» к диалогу с СССР была еще открыта, то в случае с Соединенными Штатами – она все больше и больше закрывалась. Так, 16 марта Рузвельт настоятельно предложил финнам закончить войну, а так же – заявил, что глядя на отрицательное отношение финнов к условиям СССР, со стороны США рассматривается вопрос о возможном полном разрыве дипломатических взаимоотношений [22, с. 332].

Несмотря на все эти особенности – настроения финнов все равно носили в основном отрицательный характер отношений к условиям. Паасикиви об этом пишет: «16.03.44 говорил с Хюниненом. Он сообщил, что Кремль установил нам срок – до 18.03. В это время должен быть дан (одобрен) наш ответ. В ответе правительство попытается оставить дверь открытой, но Хюнинен считает, что возможностей для продолжения переговоров крайне немного. Считал вполне очевидным, что переговоры будут прерваны.

Позиция эдускунты на вчерашнем заседании была скорее отрицательной.»[22, с. 331].

Как и писал Паасикиви – «дверь» действительно «оставили открытой». Повлияли ли угрозы США на подобную сговорчивость, или же больше способствовала боязнь потерять контакты с СССР – точно не известно. Однако, текст ответа финнов, отправленный 17 марта, был гораздо мягче и спокойнее чем прошлый, теперь составители не заикливались на каком-то одном вопросе. Скорее всего – такую отрицательную реакцию СССР в ответе

от 10 марта [3, л. 3] вызвал акцент на сложности именно вопроса интернирования, а с ним – и вопрос отношений с Германией. В этом же документе финны объяснили, что они действительно все еще желают мира, и желали бы полностью понять толкование всех выдвинутых требований, они хотят получить разъяснения до того как правительство одобрит условия [3, л. 4]. И это сработало. Уже 19 марта был получен ответ из Советского Союза, который не возражал против предложения Финляндии, одновременно – приглашая одного или нескольких представителей финнов приехать в Москву для получения разъяснений [3, л. 5].

20 марта у министра иностранных дел Рамсая собрались Паасикиви, Линкомиес, Таннер, Хюнинен и Вальден. На этом совещании были оглашены те самые пункты условий и то, что ставилось перед делегатами, которые отправятся на переговоры. Рамсай ставил следующие задачи [22, с. 334]:

- Выяснить, зачем русским Петсамо
- Исключить пункт о возмещении ущерба из условий
- Исключить демобилизацию
- Вопрос возвращения военнопленных (в частности, пленных поляков и ингерманландцев)
- Вопрос границ 1940 года. Возможность изменения границ по озеру Суванто и у Салла.

Паасикиви же, выслушав эти задачи - сказал, что финнам нужно решить, чего они хотят от переговоров – трактовок советских условий или предъявления новых условий от них самих. Так же он не разделял настроений других совещающихся, которые действовали исходя из возможности настолько вольного выбора условий, которой у финнов перед СССР практически не было. Он писал: «По-моему, сейчас следовало при 12-м ударе часов сделать последнюю попытку спасти Финляндию. Нет никаких

надежд на то, что русские откажутся от границ 1940 года и своих условий. Только в каком-нибудь второстепенном вопросе они могут пойти на небольшие уступки.» [22, с. 335].

Наверное, Паасикиви был одним из того меньшинства деятелей, кто наиболее трезво в Финляндии оценивал нынешнее положение финнов в переговорах и в мире. Он считал, что нужно в большей степени принять условия СССР, прийти к соглашению – иначе «9 против 1, что в конце концов Финляндию ждет катастрофа. « [22, с. 335]. Далее на совещании снова была затронута ранее высказываемая тема об убеждении Маннергейма воспользоваться своим авторитетом и уладить разногласия в обществе и в эдускунте, т.к. он один в стране был одинаково уважаем и военными и политиками. Таннер и Линкомиес видели его на должности премьер-министра [22, с. 335]. Так получила большее развитие идея, в дальнейшем принятая к действию, и спасшая, во многом, Финляндию. Введение Маннергейма в политику было бы выигрышным вариантом для всех. Однако – пока маршал держался все тех же убеждений что и раньше. Политика – не его дело, говорил он.

Далее обсуждался столь сложный для финнов вопрос интернирования. Рамсай высказал идею, которая так же нашла свой выход в будущем, пусть и не так как видели это на данный момент: «...наша точка зрения заключается в том, что нам следует попытаться достичь соглашения с немцами о выводе войск из Финляндии. Потребуется месяца три, так как от Рованиеми до Литсы 600 километров. Интернирование само по себе трудно. Кроме того, есть опасность, что немцы оккупируют Рованиеми и Оулу» и займут железные дороги между ними.» [22, с. 336]. Паасикиви план понравился, он сказал, что в таком случае интернирование возможно, а если немцы откажутся от мер, принятых финнами – то у Финляндии развязывались руки. Отдельно следует обратить внимание на сроки, в которые Рамсай оценил процесс вывода немцев из страны – примерно три месяца.

Совершенно неожиданным шагом стала преждевременная публикация содержания этих предварительных переговоров в прессе. Паасикиви, который уже был практически утвержден как один из делегатов – был крайне недоволен этой публикацией, назвал это «идиотским поступком», и теперь оценивал успех всего дипломатического предприятия – пустой тратой времени и сил [22, с. 336 – 337]. Действительно – его возмущение можно понять. Известно, какой характер носит факт опубликования настолько важных сведений, которые обсуждают между собой официальные лица государства, перед тем как предпринять судьбоносные для страны решения. В данном случае - это были промежуточные, установочные обсуждения, которые на деле могли вообще иметь иной итог в реальности – факт опубликования таких новостей мог бы внезапно заставить действовать любых участников грядущих переговоров – с неожиданным или нежелательным вектором этих действий.

Тем не менее, на следующий день, в разговоре с Вальденом были еще раз проговорены все желательные действия, по его и Паасикиви мнению необходимых для счастливого окончания войны для Финляндии. 23 и 24 еще более тщательно оговаривались вопросы, требующие ответов в Москве. Особенно взвешивали все «за и против» по теме интернирования немцев [22, с. 338 - 341]. Ристо Рюти высказал в одном из таких разговоров весьма показательную фразу, которая иллюстрирует приоритеты, расставляемые президентом и приближенными к нему деятелями страны. Это был его совет для Паасикиви и Энкеля (Энкель был определен как второй делегат) быть твердыми в вопросах территорий и легче относиться к вопросам интернирования немцев. То есть – курс мыслей был прямо противоположным тому, который бы позволил, возможно, легче договориться с СССР. «Мир не поймёт...» – добавил Рюти [22, с. 342]. Под миром, в основном, он, скорее всего - понимал Германию и ее союзников. Акцент на данном моменте стоит делать для понимания целей и проблемных

мест в желаниях сторон – ранее уже было сказано о важности вопроса границ для большей части руководства страны в этот момент.

Юхо Кусти Паасикиви и Карл Энкель прибыли в Москву 26.03.44 в 16:00. Переговоры в Москве были запланированы на 27 и 29 марта [2, л. 1-82], на два дня заседаний. В целом переговоры несли характер получения уточнений и разъяснений – не больше и не меньше. В этом случае, по большому счету не должно было быть и речи о вынесении собственных предложений, впрочем – все равно, здесь финнов ждала неудача. Молотов не уступал практически ни по одному пункту, о которых заходил разговор: «Молотов был резок в вопросах дел. Подозрение к нам со стороны русских возросло и, пожалуй, превратилось в ненависть» – пишет Паасикиви [22, с. 344 ; 69, с. 155]. На втором заседании, 29 марта – были уточнены следующие пункты [3, л. 6 ; 22, с. 346]:

- Обязателен либо разрыв отношений с Германией и интернирование немцев с территории Финляндии, либо разрыв отношений и изгнание сил Германии из Финляндии не позднее конца апреля 1944. Этот пункт – первый и предварительный, без которого невозможен диалог обо всех остальных. В этом случае СССР может помочь финнам войсками.
- Границы 1940 года должны быть сохранены, а финны выведены за границу не позднее конца апреля
- Немедленное возвращение советских военнопленных и граждан из лагерей или с работ, куда их отправляли финны. В случае договора о мире – обмен военнопленными обоюдный.
- Демобилизация 50% войск в течении мая, перевод их на мирное положение в течении июня и июля
- Назначена сумма возмещения ущерба в 600 млн. долларов сроком на 5 лет выплат различными товарами.
- Возвращение области Петсамо в пользование СССР.

- В случае принятия всех 6 пунктов – СССР может без какой-либо компенсации отдать Финляндии Ханко.

Все эти, и дальнейшие сведения марта-апреля месяца о переговорах с финнами были так же распространены в переписках с английским и американскими послами, документы были продублированы на языках союзников и высланы им, с последующим их обсуждением [4, л. 1-27 ; 5, л. 1-6].

В Финляндии эти уточненные условия расценили как невозможные к исполнению. Они шокировали и оппозицию, и руководство страны. Рюти сказал, что они попросту уничтожат Финляндию, Таннер назвал их «совершенно неприемлемыми» [22, с. 354] . В обществе активизировались элементы, настраивающие людей против подписания мира. Основной их довод заключался в том, что подписывать такие соглашения без уведомления Германии будет актом бесчестия. Большинство партий считали условия слишком жестокими. Швеция безрезультатно пыталась убедить СССР облегчить условия мира.

Паасикиви не разделял всеобщих истерически-отрицательных настроений. Чуть позже, в своих дневниковых размышлениях он оценил абсолютно все условия, как ненамного более жесткие, чем те, что он узнал у Коллонтай в феврале. Конечно, это не касалось суммы возмещения, которую, как он считал – можно было обговорить и апрельских сроков, которые так же можно было расширить переговорами [22, с. 378]. Но, он был в таких мыслях в меньшинстве. Он критиковал тех, кто считал возможным всерьез «торговаться» с СССР на таком уровне, заключить мир при такой разности мнений о его условиях было по его мнению невозможно: «Достигнуть мира с учетом этого и ряда других условий – была чистая фантазия» – говорил он [35, с. 181]. Спустя промежуток ожидания более чем в неделю – СССР был отправлен ответ Финляндии, суть которого – отказ от принятия уточненных

условий [3, л. 8]. В причины финны ставили условия, которые лишили бы страну самостоятельности. Интересно, что в публикациях можно найти разность в дате, когда документ был отослан СССР. О. Вехвиляйнен сообщает, что это было 15 апреля, Н.И. Барышников, и сам документ с текстом ответа – 19 апреля. Подпись к документу говорит, что именно 19 числа Бухеман передал его советскому полпреду и именно на дату 19 апреля как дату получения финского документа ссылается следующий ответ со стороны СССР. Указанная у О. Вехвиляйнена дата 15 апреля – могла быть и датой написания ответа в Финляндии, и датой его отправки оттуда же.

Ожидаемый итог - 22 апреля в Финляндию пришел ответ от СССР о том, что отказ финнов был принят во внимание советским правительством, и принято решение прекратить ведение переговоров о мире [3, л. 9]. В Советском Союзе в газеты было дано соответствующее заявление о том, что переговоры считаются прерванными. В Вашингтоне и Лондоне осудили финнов за недальновидность, потерю чувства реальности и выбор немецкой стороны (см. рис. 1.5.) [22, с. 369].

Таким образом, диалог, несколько раз бывший под угрозой срыва – был свернут, контакты оборваны. Ко всему прочему – Германия не могла не заметить факта переговоров о мире между Финляндией и СССР. Санкции Рейха, которых так опасались финны – теперь были в силе, даже не учитывая факта того, что Финляндия от условий перемирия отказалась. Гитлер приказал прекратить поставки продовольствия и военной техники [18, с. 359 ; 41, с. 374].

1.2.5. Наступление на Карельском перешейке. Попытки восстановить диалог с СССР. Пакт Рюти-Риббентропа и выход на путь перемирия.

Отказ Финляндии от принятия предложенных условий и прерванные переговоры получили свою огласку в мире. Так, 13 мая 1944 года правительства США, Англии и СССР сделали заявление, являющееся предупреждением всем «вассальным государствам Германии», конечно же,

включая в этот список и Финляндию [22, с. 374]. Его посыл – чем дальше эти страны будут на стороне Германии, тем более жесткими будут условия, предъявленные к этим странам для дальнейших переговоров.

Если ранее Сталин говорил, что вести переговоры будет можно «хоть с самим чертом», то теперь это мнение поменялось. Во всяком случае, судя по записям в дневнике Паасикиви: «Русское радио стало говорить о нас гораздо хуже. Особенно, что с нынешним правительством ничего нельзя предпринять». Кольцо вокруг финнов стало сужаться со всех сторон. Паасикиви пишет, что «В Германии нас подозревают, особенно в ставке: сам Гитлер» [22, с. 379].

Этапом, снова существенно изменившим настроения Финляндии относительно переговоров - стало масштабное советское наступление на Карельском перешейке. Оно началось 10 июня 1944 года. Основные цели наступления – продвижение по реке Кюмийоки и создание угрозы центрам Финляндии [56, с. 99]. А так как в СССР считали, что финны из войны выйдут, когда советские войска окажутся у станции Лоймола – наступление, конечно же, несло опять же, и принудительный характер, если смотреть со стороны методов вывода противника из войны.

Наступление для финнов было внезапным, и Финляндия снова пытается искать возможность к переговорам с СССР [18, с. 359]. Так, 12.06.44 с СССР через Коллонтай пытался связаться Таннер, но ему было отказано в диалоге, что доказывает намерения СССР не вести переговоры с нынешним правительством, отвергнувшим условия мира [22, с. 383 - 384]. Интересно, что Таннер при этом не консультировался ни с Линкомиесом, ни с министром иностранных дел Рамсаем.

17.06.44. точно так же как в прошлом США отозвали практически всю дипломатическую миссию из Финляндии – в самих Соединенных Штатах финским представителям вручили распоряжение о выезде из страны,

оставляя в посольстве только одного секретаря. По радио США сообщали, что у финнов остался последний шанс на выход из войны [22, с. 385].

Продвижение советских войск было очень быстрым, и финны все больше говорили о том, что они готовы принять даже те условия, которые они сочли неприемлемыми в конце апреля. Пика эти настроения достигли 20 июня, когда был захвачен Выборг, они проявились 22.06.44 в новой попытке узнать условия перемирия с СССР. В посланном Союзу заявлении говорилось о желании финнов выйти из войны, и что правительство пока остается то же самое, однако – если это вызовет нареkania, их можно будет рассмотреть. Исходя из ответа, который прислал СССР – мерой к началу диалога было официальное заявление, подписанное министром иностранных дел и главой правительства, в котором бы говорилось что «Финляндия капитулирует и просит мира у СССР» [3, л. 10 ; 35, с. 182].

С ответом Союзу финны медлили, и тому были причины. Знаковым, и значимым, приведшим к существенным обстоятельствам событием стало то, что буквально на следующий день после обращения к Коллонтай – в Финляндию прибыл сам Иоахим фон Риббентроп. Кто-то называет его приезд непредвиденным и внезапным, а, например В. Войонмаа отмечает что министр иностранных дел Рейха приехал по приглашению Маннергейма, после того как маршал запросил военную помощь Германии [18, с. 360].

Однако основной целью Риббентропа стал уже поднимаемый им ранее вопрос, связанный с документальным, официально заверенным обязательством Финнов сражаться на стороне Германии. Известно, что в отличие от большинства стран-сателлитов Финляндия не подписывала с Германией сотрудничество договоров, а гордилась своей собственной самостоятельной войной с СССР, которая всего лишь велась на стороне немцев по причине общего врага. Эта идея высказывалась еще весной 1943 года, когда Рамсай лично посетил Риббентропа, извещая его о предложении США в посредничестве, но теперь угроза её свершения была вполне

реальной. Несмотря на то, что в стране еще находились те, кто говорили о немцах как о союзниках – подавляющее большинство было бы против заключения любых договоров. Исходя из внутривластного устройства страны – данное решение мог одобрить только парламент, что осложняло его принятие. Риббентроп требовал чтобы Рюти через письменные гарантии, адресованные лично фюреру – дал обещание Финляндии сражаться на стороне Германии до конца, иначе Гитлер угрожал более не снабжать и поддерживать финнов во всех смыслах этого выражения [35, с. 183]. Этот ход был актом серьезного давления на финнов, положение страны можно было назвать, как выразился В. Войонмаа «между корой и древесиной» [18, с. 361], когда финны медлили и оттягивали ответ СССР и медлили и оттягивали подписание договора в письмах, который бы поставил бы крест на их военном статусе самостоятельности ведения войны.

В итоге, после обсуждения разногласий было решено не отвечать на предложение СССР и принять сторону Германии [35, с. 182]. После нескольких дней ожидания, Рюти все-таки написал письмо фюреру от своего имени, где заверял его в том, что мир с СССР не будет заключен, и без совета с немецкой стороны не будут предприняты никакие связи с СССР [29, с. 490]: «...Принимая во внимание ту военную помощь, которую Германия оказывает Финляндии, я, как президент Финляндии, обещаю, что не заключу мира с Советским Союзом, иначе как во взаимоотношении с Германией, и не позволю, чтобы правительство или какое-либо лицо начало переговоры о мире, иначе как во взаимопонимании с правительством Германии» [18, с. 202].

Он же и подписал так называемый «пакт». 26 июня Риббентроп вернулся с письмом в Германию. Нередко в историографии (как в финской, так и в отечественной,) этот договор, основываясь на именах заключивших его лиц неофициально называют «Пактом Рюти-Риббентропа».

Вайонмаа пишет, что «вместо официального договора Гитлер получил подписанное президентом Рюти письмо-обязательство» [18, с. 361], но, скорее всего следует считать такие обязательства – изначальной формой данного соглашения. Об обмене письмами с фюрером говорилось еще весной 1943 года, а в Германии – при всех ее возможностях давления на финнов должны была понимать, что на официальный в полной мере договор Финляндия не пойдет по причине собственной гордости и желания сохранить за собой самостоятельность и независимость хотя бы в этом вопросе.

Интересно, что в прошлом Рюти категорически отрицал сам факт того, что когда-нибудь Финляндия подпишет подобного рода документ [22, с. 226, 260, 264]. Стоит отметить, что формально, в его деталях были особенности, которые позволяли в будущем освободиться от данных пактом обязательств, которые финны обязались выполнить скорее вынужденно, чем по собственному изначальному желанию. Этот поступок в характеристиках и биографиях Рюти разделил мнения – одни говорили, что он знал и видел дальнейшую возможность выйти из этого «пакта», и иного выхода из ситуации не было, другие же отрицательно и неодобрительно описывали из-за этого документа всю его карьеру [52, с. 154–155].

Можно ли считать после заключения этого «пакта в письмах» Финляндию всецело сторонницей Германии – вопрос непростой. Потому как, с одной стороны – это еще одно, последнее доказательство и причина применения к финнам тех же жестких условий капитуляции, что и к любым другим сателлитам. С другой стороны – это письма, которые отправлены от лица одного человека, и в полной мере договором между двумя странами считаться не могут, даже будучи публично подтвержденными через СМИ. Во всяком случае, если брать в пример конкретный случай Финляндии, чье внутривосточное устройство и грядущие в нем перемены позволят не выполнять этот «пакт» в ближайшем будущем. Но – надо брать во внимание то, что об этом мы можем судить сейчас, читая источники и видя большую

часть всей внешне и внутривосточной картины. Тогда как в момент происшествия этих событий едва ли кто-то мог серьезно верить в то, что от данных обязательств можно будет довольно быстро отказаться. Потому такой договор действительно создавал большие трудности для уже запятнанной репутации финнов в мире, не говоря уже об отношениях с Советским Союзом, который вел свою риторику в переговорах - как отмечал Киммо Рентола «цеплялись за однажды сказанное» [56, с. 89].

Надо отметить, что пока в Финляндии решали вопрос выбора сторон – в СССР уже готовились к возможной капитуляции Финляндии. Был подготовлен договор, который состоял из 56 пунктов. Если быть точнее, готовый ранее договор просто взяли и дополнили, ведь, как указывалось в исследовании ранее – он был подготовлен Ворошиловым еще в ноябре 1943 года [56, с. 109], и теперь его лишь приготовили к использованию, чего, впрочем – как уже ясно из предыдущих абзацев – не состоялось. Проект договора о капитуляции так и остался в архивах [18, с. 360]. В начале июля, впрочем, стали расходиться слухи о намерении заставить финнов капитулировать, которые дошли и до них самих, однако в СССР это назвали немецкой провокацией с целью давления на Финляндию [56, с. 112].

Кроме всего прочего - в Финляндии назревали изменения в политическом строе. Вперед снова выходит идея о смене президента и правительства. Сам Маннергейм, которого до этого уже просили занять пост несколько раз, получая его отказ – на данный момент уже считал, что пришло время дистанцироваться от Германии, так как цель этого союза уже была достигнута и союз, как и война – себя исчерпали. Руководство страны понимало, что кроме как сменой правительства и президента – из войны, и, соответственно, из отягощающих обязательств данных Германии – не выйти.

В конце июля 1944 года Рюти, Таннер и Вальден обратились к Маннергейму снова с просьбой принять пост президента. В этот раз маршал

принял это предложение, и уже 4 августа Карл Густав Маннергейм успешно занял этот пост «у руля государства» [35, с. 183] (см. рис. 1.6.).

Когда Рюти сложил полномочия а Маннергейм стал президентом – в стране наблюдался общий подъем настроения, а немцы стали ожидать неблагоприятного исхода вопроса о участии финской стороны в войне [66, с. 122-123]. В качестве поощрительной меры из Германии в Финляндию был отправлен Вильгельм Кейтель под предлогом вручения Маннергейму награды за сотрудничество [52, с. 159; 69, с. 172–176]. Однако, обедая с Кейтелем 17 августа – новый лидер страны дал ему понять, что Финляндия сама решает свою судьбу и награду не принял. Этим он показал, что он не имеет ни малейшего отношения к делам и договорам своего предшественника Рюти. Это положение «развязанных рук» подкреплялось особенностями (или упущениями со стороны Германии) имевшимися в характере подписания пакта «Рюти - Риббентропа», о которых говорилось выше. Действительно – обязательства пакта по большому счету касались лишь Ристо Рюти, однако президент и правительство были сменены, и значит, пакт считался недействительным. По крайней мере, таким его считали в Финляндии.

Известно, что в этот момент немцы даже планировали организацию переворота в стране с помощью свержения действующего правительства, взаимодействия с финским корпусом СС и радикально-антисоветскими лицами преимущественно в военной сфере. Известен вопрос И. фон Риббентропа, обращенные к немецкому представителю в Финляндии, В. Блюхеру: «Найдётся ли в Финляндии 1000 надежных людей, на которых можно было бы положиться в политическом отношении и которые бы были готовы, если от них потребуют, взять власть в свои руки» [33, с. 163]. Так же готовились попытки подъема масс коллаборантов и настраивания армии против планов выхода из войны, однако – ни одна из них не увенчалась успехом. Отчасти - потому что очень многие в стране уже были слишком

вымотаны войной и желали только ее завершения – подтверждение тому можно найти в статье Веригина С.Г., Лайдинена Э.П. и Чумакова Г.В. «СССР и Финляндия в 1941-1944 годах: неизученные аспекты военного противостояния» [39]. Также - благодаря сосредоточению всей полноты военной и политической власти в руках у одного человека, который так же вел страну по пути выхода из войны. Как и ожидалось ранее – авторитет Карла Густава Маннергейма был очень сильным и действенным фактором, который спас страну от раскола мнений, на почве которых немецкие попытки контроля ситуации могли бы получить успех.

Так же выигрышным для Хельсинки обстоятельством было то, что с Маннергеймом была готова вести переговоры Москва, как с лицом, не имевшим отношения к подписанию пакта с Германией. В Стокгольм 25 августа 1944 было отправлено послание с просьбой о более быстрой инициативе мирного договора, и ко всему прочему – из Хельсинки уведомили своего представителя в Берлине о том, что пакт Рюти-Риббентропа не распространяется ни на Маннергейма и ни на кого-либо еще, так как подписывал его один лишь, уже бывший, президент страны [56, с. 121].

Таким образом, противоречивый договор, который, казалось бы, исключал налаживание мирных отношений между двумя странами-соперниками, стал, возможно, единственным настолько выигрышным способом вывести Финляндию из войны, которую вести уже никому в стране не хотелось. Согласно периодизации Н.И. Барышникова – здесь и начинается последний, пятый этап второго периода дипломатического процесса выхода Финляндии из войны [35, с. 184].

1.3. Выход Финляндии из войны. Ход подписания договора о перемирии.

24 августа через посланника в Швеции – Грипенберга, в СССР отправилось обращение о возможности принять финскую делегацию для обсуждения перемирия [3, л. 11-12] . Уже 29 августа 1944 года было принято

послание от советской стороны, в котором говорилось, что переговоры можно будет начать сразу после того как финской стороной будет сделано официальное заявление о разрыве отношений с Германией, и о том, что Финляндия потребуют вывода всех немецких войск из Финляндии до 15 сентября. По прошествии этой даты все немецкие силы, так или иначе оставшиеся в стране, должны были быть разоружены и переданы как военнопленные в СССР. Ни Британия, ни США не внесли своих поправок в эти условия [3, л. 13]. Последнее условие финнам представлялось осложненным, и они запросили у Коллонтай уточнений, после чего им пришел ответ о том, что требуется лишь заявить о разрыве отношений с Германией, а вывод немцев можно организовать одновременно с началом переговоров [35, с. 184].

2 сентября новое правительство под руководством А. Хакцеля рассмотрело и приняло большинством голосов решение о выходе из войны – в тот же день немецкому послу в Хельсинки была вручена нота, сообщение было отправлено и в СССР [3, л. 14-15], а сам Хакцель вышел в радиозэфир и сообщил об официальном выходе Финляндии из войны и требовании для немецких войск покинуть страну [35, с. 184-185].

3 сентября Маннергейм написал весьма объемное письмо Гитлеру [20, с. 432-434], где для данного исследования примечательными будут строки: «Я считаю своей обязанностью вывести мой народ из войны. Вашего оружия, так щедро нам предоставленного, я не могу использовать и не использую добровольно против Германии. Я выражаю надежду, что Вы, даже если и не одобрите моего письма, так же как я и все финны, пожелаете предпринять все усилия для того, чтобы разрыв существовавших до сих пор отношений прошел без каких-либо обострений» [20, с. 434]. Этим надеждам, как известно из событий осени 1944 – весны 1945, сбыться не удалось. В этот же день посол Германии в Финляндии и один из генералов в Миккели получили извещение от Риббентропа – прекратить всё общение с финнами [26, с. 253].

Можно отметить, что во всех действиях маршала и правительства было желание выйти из войны, сохранив хотя бы нейтральные отношения с Германией. Отчасти – подобные настроения, которые можно проследить через подобные документы и дальнейшие действия финнов и послужили поводом к конфликту, который рассмотрен во второй главе исследования – к так называемой «Лапландской войне».

Свои опасения на этот счет высказывал и будущий непосредственный участник этого конфликта, генерал-полковник 20-й горной армии Лотар Рендулич, который в начале мая говорил с Маннергеймом о том, что если все грядущие изменения отношений приведут к конфронтации – она превратится в жестокую и кровопролитную войну [20, с. 435].

Камнем преткновения снова встал вопрос вывода немецких войск, который так же является одним из поводов к началу нового конфликта. И Маннергейм, и Рендулич понимали, что вывести армию за тот срок, о котором говорили в СССР (две недели) – невозможно с технической стороны вопроса. Маннергейм дает следующие сведения о составе войск, требовавших вывода: 20-я горная армия состояла как минимум из 9-ти дивизий специальных войск (в сумме 200000 человек) и большого количества материальных запасов. Одна из частей армии – ее южная группа, находилась на большом удалении от ближайшей ж/д станции (примерно 200 км), не считая еще такого же расстояния, которое понадобится преодолеть со станции до портов Ботнического залива. Путь через крупные города Рованиemi и Торнио составлял 400 км., а дороги короче в осенних условиях станут непроходимыми. Маршал время от времени контактировал с генералами Рендуличем и Эрфуртом, пытаясь склонить их к ускорению вывода войск [20, с. 435-436].

4 сентября правительство финнов заявило о принятии предварительных условий СССР, боевые действия были прекращены в тот же день, хотя Маннергейм вспоминает – что разница между прекращением огня финнами и

советскими войсками – была примерно равна суткам, первыми огонь прекратили финны [20, с. 437- 438]. Делегации для переговоров были отправлены уже 7 сентября, хоть и сами они начались только 14-го числа, ввиду промедлений, вызванных ожиданием ответа на высланные условия со стороны Британии [9 ; 11, л. 1-7]. Делегацию от Финляндии возглавил А. Хакцель, а в составе кроме него присутствовали Р. Вальден, А.Хейнрикс, О. Энкель, П. Хюннинен, Б. Гренблум, Э. Кастрен, Я. Ховинен, Ю. Ньюкопп, Г. Энкель, М. Туомас-Кэттунен, Й. Ванамо, Ю. Вэса, В. Колтас [7, л. 11]. Делегацию от СССР возглавлял В.М. Молотов, в составе так же были К.Е. Ворошилов, В. Г. Деканозов, М. М. Литвинов, А. П. Александров, С. М. Штеменко, А. А. Жданов [7, л. 4-10]. От Великобритании присутствовал посол А. Керр [35, с. 185].

Первое заседание делегаций на переговорах состоялось 14.09.44, в 23 часа [8, л. 48]. Интересно, что еще в начале сентября, можно говорить о том, что с финнами мог быть заключен договор о мире, а не о перемирии. Это действительно огромная разница между двумя формулировками, и версия, которую СССР отослали в начале сентября союзникам – была под заголовком именно «мирного» договора, чем весьма встревожила британцев. Керр очень спешно писал Молотову, что они (британцы) не были готовы заключать мир в полной его мере, и многие статьи договора считали для этого формата неготовыми, неподходящими и годными только для временного перемирия [12, л. 1-2]. В итоге - предложенный финнам договор носил характер договора о перемирии и содержал 23 статьи [10, л. 34-46]. Их можно разделить на три основные темы: урегулирование проблем в межгосударственных отношениях Финляндии с другими странами, которые были с ней в статусе войны; меры Финляндии в отношении Германии и союзников; Вопросы демилитаризации и демократизации Финляндии [35, с. 185]. Так же было вынесено в качестве условия создание Союзной Контрольной Комиссии (СКК), которая следила бы за выполнением условий

перемирия. Облегчение условий было сделано в моменте с выплатой репараций – их количество сократилось до 300 млн. (вместо 600), а срок их выплат увеличили до 6 лет (вместо 5-летнего срока) [56, с. 124].

Кроме этого, 14 сентября так же велись обсуждения исполнения предварительных условий перемирия, и на этом, в целом заседание окончилось. 15 числа условия перемирия были доставлены и в Финляндию, Вопросы вызвало в первую очередь условие об аренде СССР территории Порккала-Удд, где СССР собирались оборудовать военную базу. Было сделано несколько попыток заменить Порккала на Ханко, потому как советские силы на территории Порккала были бы слишком близки к Хельсинки. Однако, это условие осталось неизменным [8, л. 48-52].

Из примечательных моментов, которые произошли за время переговоров - стоит упомянуть, что, по словам Энкеля, назначенного вместо Хакцеля главой делегации – 15 числа немцы предприняли атаку на о-в. Гогланд, атака была отражена финнами [8, л. 53]. После чего Энкель отвечал на вопросы Молотова, а Молотов явно был недоволен шедшей эвакуацией, и еще больше – разоружением. Отбитая атака на Гогланд стала доводом из уст Энкеля, когда тот говорил об искренних намерениях финнов выполнить условия [8, л. 53-58]. Однако, было ясно что финны медлят, не желая заканчивать общение с немцами на резкой ноте, потому как из северной Финляндии войска практически не продвигались, немцы сосредотачивали артиллерию в Рованиеми, контролировали значительную часть дорог и мостов. 17 числа состоялся разбор договора о перемирии по пунктам, и Энкель назвал те, которые вызвали осложнения – всё та же тема Порккала-Удд и репараций, которые, даже будучи уменьшенными – считались для Финляндии непосильными. Так же – генерал Хейнрикс выразил мнение о возможном обращении к СССР за помощью с выводом немцев из страны. Этот разговор привел к новым спорам. Молотов обвинял финнов в создании удобств для ухода немцев, и требовал пересмотреть приоритеты Финляндии.

Конечно же, Энкель отрицал данное заявление [8, л. 59-75]. Но известно, что и в данном моменте, и в будущем – финны действительно пытались сделать выход немецких сил из страны максимально удобным, надеясь, что они по пути не станут наносить большой вред территориям, и, в, конечно же, пусть это и меньшая по значимости цель - отдавая дань былому боевому братству. Это положение Финляндии в вопросе контроля вывода немецких войск, которое все больше не нравилось СССР – в будущем и даст начало конфликту. СССР уже на этом моменте вел весьма жесткую политику по отношению к финнам, и их в каком-то смысле можно понять, ведь финны были их врагами, но в будущем – их действия приняли еще более резкий характер на этой же почве.

Уже по прошлым переговорам между Паасикиви, Энкелем и Молотовым можно было судить о весьма резкой риторике, которую вел нарком при переговорах. Выбранный жесткий стиль ведения дипломатического диалога обуславливался медлительностью действий Финляндии и положения СССР как побеждающей стороны. Данные переговоры так же не обошлись без подобного. Если прочесть протоколы заседаний, где фиксировались переговоры с Финнами – можно видеть что их можно сравнить с допросом, чем с обсуждением проблемных моментов документа. Примечательным является момент, когда в очередном обсуждении Порккала-Удд Молотов стал угрожать финской делегации, что если определенные условия, которые СССР считает неизменными, финнов не устраивают – то «...финская делегация может возвратиться вновь в Финляндию...» [8, л. 70].

На заседании 18 сентября так же был знаковый момент. Молотов зачитал сообщение немецкого агентства, в котором говорилось, что масштабная эвакуация войск и материалов из северной Финляндии была завершена – не без взаимодействия между финнами и немцами. Молотов упрекнул финскую делегацию в замалчивании этого факта [8, л. 76]. Далее

стороны вновь вернулись к обсуждению этого вопроса, когда говорили о разоружении – и Энкель ответил, что данное сообщение – немецкая провокация, и СССР не располагает реальным положением вещей [8, л. 82]. Известно, что именно в сообщении имелось под полной эвакуацией – потому как будь это сообщение правдивым – Лапландской войны бы попросту не случилось. Если бы немецкие силы были эвакуированы – конфликт бы не произошел. К тому же, от начала эвакуационных процессов прошло еще слишком малое количество дней, чтобы немцы успели эвакуировать все силы, это сообщение действительно носит явно провокационный характер. Скорее всего, и Молотов это понимал, однако все равно намеренно принял сообщение как еще один повод для усиления давления на финнов.

Итого, после пяти дней обсуждений и раздумий обеих делегаций – 19 числа в полдень представители СССР, Финляндии и Великобритании собрались для подписания договора перемирия [56, с. 125]. Окончательный договор имеет название «Соглашение о перемирии между Союзом Советских Социалистических республик и Соединенным королевством Великобритании и Северной Ирландии, с одной стороны и Финляндией, с другой.», и содержит 23 пункта и 9 приложений к некоторым из них [13, л. 1-13].

25 сентября в Финляндии уже была создана Союзная Контрольная Комиссия, занимавшаяся надзором, контролем и руководством выполнения условий перемирия. Подавляющее большинство членов СКК – были представителями СССР [14, л. 15-19 ; 37, с. 130-131], что впрочем, было воспринято как логичная и нормальная практика участия главенствующей в регионе страны в подобного рода договоренностях [28, с. 105]

В данной главе был рассмотрен весь дипломатический аспект, который был признан автором исследования важным для изучения идущей после него Лапландской войны. Процесс того как, какими средствами и с какой продолжительностью Финляндия направлялась (или ее направляли) к

выходу из войны во многом повлиял на то, как эта страна, находясь в невоенном статусе – попала в новый конфликт. Роли участников этого конфликта так же во многом определяются еще на моменте дипломатических переговоров. Как уже было ранее сказано во введении к исследованию – автор видит ошибочным описание и изучение такого конфликта как Лапландская война вне связи с описанием и изучением, пусть и гораздо более хорошо рассмотренного в историографии периода, когда происходили события, которые в итоге и привели к нему.

ГЛАВА 2. ВОЕННЫЙ АСПЕКТ КОНФЛИКТА

2.1. Вопрос разности отражения конфликта в зарубежной и отечественной историографии.

В первую очередь тема данной работы была сконцентрирована вокруг конфликта под названием Лапландской войны ввиду того, что в отечественной историографии ей практически не уделялось и не уделяется должного внимания и изучения. Потому в рамках работы, конечно же, необходимо разобрать ситуацию с историографической составляющей данной темы.

После проведенного анализа всего доступного массива источников и литературы по данной теме – можно с уверенностью сделать вывод, что за рубежом лапландская война освещена гораздо лучше, чем в отечественной историографии. За рубежом действительно работы по теме этого конфликта появлялись уже с 80-90 годов, если не раньше. В первую очередь, это конечно же страны, напрямую связанные с этими событиями – Финляндия и Германия. Далее существуют знаковые публикации на шведском (и языках иных стран Северной Европы) и английском языках. Казалось бы – это закономерно, ведь эта война больше касалась Германии и Финляндии, нежели СССР, который уже подписал к этому моменту договор о перемирии с финнами. Однако, надо отметить – что у этого конфликта связей с Советским Союзом гораздо больше, чем может сложиться о том впечатление после анализа базы литературы и источников.

Работ, которые упоминают эту войну в отечественной историографии за все время, начиная, непосредственно со времени развития конфликта – крайне мало. При чем, в целом, судя по историографии – в СССР и в России было и есть достаточное количество ученых, которые известны как специалисты в теме советско-финляндских взаимоотношений, ими написаны достойные, ценные и состоявшиеся в научном сообществе труды, в том числе по истории СССР и Финляндии во время Второй Мировой. Но, к сожалению

– очень многие из этих работ попросту пропускают эту часть истории, когда Финляндия попала в серьезный конфликт с немцами. Т.е. – сразу после наступления перемирия в работах исследуются вопросы, связанные с периодами после 1945 года. В лучшем случае упоминаются темы Союзной Контрольной Комиссии и А.А. Жданова, итоги их работы в Финляндии, после – подписание мира в 1947 году, и все далее идущие события общей истории советско-финских взаимоотношений. Возникает ряд вопросов о причинах такого выборочного отказа во внимании к этому конфликту, учитывая то, что СССР как минимум оказывал поддержку финнам в выполнении задачи вывода немцев с территории Финляндии, а как максимум – являлся одним из участников международных взаимоотношений, который подтолкнул конфликт к его началу.

Все это, конечно же, высказывается ни в коем случае не в упрек всем тем исследователям, которые изучали вышеуказанные вопросы без внимания к Лапландской войне, т.к. среди работ - довольно много таких, которые стали очень известными и признанными в научной среде. Большая часть из них в принципе ценна в качестве исследования по теме советско-финляндских взаимоотношений во Второй Мировой войне и после неё. Вклад в историографию в этом плане ни в коем случае нельзя умалять, понимая, что для многих авторов эти темы являются трудами всей жизни. Но, тем не менее, вопросы о причинах возникают, и автором данного исследования делается попытка сделать ряд предположений по данной проблеме.

Первая причина уже была названа выше. Она связана с возможным ошибочным мнением, что данный конфликт имеет слишком малое отношение к отечественной истории, когда об этой войне если и высказываются, то только в ключе небольшого немецко-финского противостояния за рамками отношений с СССР. Можно сказать только то, что эти мнения в корне неверны, и данная тема должна рассматриваться в отечественной истории, так как события, произошедшие осенью 1944- весной

45 года – напрямую выходят из советско-финских договоренностей перемирия, про которые написано, в свою очередь – довольно много. Оставлять эту тему без внимания, при том, что предшествующие ей события описаны весьма подробно – попросту нельзя. Однако, итог практически полного отсутствия отечественных исследований до сих пор действителен, а значит, возможно, виной тому – причина неверного понимания причинно-следственных связей или ошибочного суждения иного толка.

Вторая причина – явная недоступность в годы СССР документальных источников – будь то в архивах самого СССР или за рубежом. Это понятная причина, по которой в принципе тема Второй мировой в годы Союза была далеко не так подробна и богата на достоверные примеры из источников, как то можно наблюдать сейчас. Однако – в 1980-90 годах произошла архивная революция, которая дала возможность исследовать данную тему намного качественнее, но все же – публикаций по данной теме практически в СССР и после, в России – не наблюдалось. Автор не станет долго описывать причину недоступности для масс ученых зарубежных архивов – т.к. здесь все понятно, проблема языкового барьера и удаленного места хранения очень многие ученых лишает возможности использования таких документов. Но – в ученой среде было и существует сейчас довольно много состоявшихся ученых, которые либо в совершенстве, либо на достаточном уровне знают финский, немецкий, шведский и другие языки, однако крупных публикаций по теме Лапландской войны все равно нет.

Еще одна причина, которая существенно мешала многим исследованиям раскрыть свой потенциал – это цензура, которая была связана с политическим строем и конъюнктурой. Этим объясняется факт того, что многие исследования изданные во времена СССР пишутся ровно до того момента, пока финны вели войну с Советским Союзом – пока они были враждебной нам страной. А после – описывают положение Финляндии и СССР в условиях дружбы и добрососедства. Учитывая, что роль СССР для

начала этого конфликта в какой-то степени не совсем положительна – стоит понимать, что работы ученых, которые бы описывали события Лапландской войны – скорее всего попросту не вышли бы в свет либо труды (или сами авторы) были бы негативно восприняты научным сообществом и высшими эшелонами власти. Но – в настоящее время, когда в исторической науке (впрочем, как и в других сферах знаний) наблюдается практически полный плюрализм мнений – всё еще не было издано крупных публикаций по этой теме. Стоит признать, что за последние 20 лет это положение немного меняется, изредка в работах можно видеть упоминания с названием «Лапландская война» или просто кратко говорится о некоем конфликте между финнами и немцами в этот период – но широкого распространения в исследованиях эта тема все так же не обнаруживает.

У многих коллег могло сложиться впечатление, что данная «война» событие слишком локальное, в отдельных случаях – сомнительное и существование которого не доказано или существует в науке под другим наименованием. Автор данного исследования в процесс его ведения не раз сталкивался с реакцией в ответ на вопросы по теме Лапландской войны, которая выглядела примерно следующим образом: «А вы уверены, что такая война была?» или «Быть может название конфликта иное, вы точно знаете?». В этом ключе стоит сделать заметку о том, как вообще называется этот конфликт во всемирной историографии тех стран, что были перечислены ранее. Так, в финской историографии это заголовок «Lapin sota», в немецкой – «Laplandkrieg», шведской – «Kriget i Lapland» или «Laplandskriget», и наконец, «Lapland war» в англоязычных публикациях. Как можно судить из приведенных примеров, все исследования, которые в отечественном поле хоть немного упоминают этот конфликт (включая данную работу) – пользуются переводным названием войны из зарубежной историографии, которое несет в себе один и тот же смысл. Становится ясно, что это не тот самый случай с разницей использования терминов «Советско-финская война

1941-1944» и «Война-продолжение» (Jatkosota), когда одно событие разные участники и страны называют по-разному, часто исходя из собственных различающихся парадигм и взглядов на их трактовку. Здесь же конфликта интерпретаций понятия – нет. И, тем не менее – работ, упоминающих соответствующее принятое в историографии название – чрезвычайно мало. Например, очень важной и одной из немногих отечественных работ по теме, которые описывают события Лапландской войны стала публикация С. Г. Веригина и Г. В. Чумакова по материалам отечественных архивов [40]. Так же, вкратце об этом написано в работе Н.И. Барышникова «Финны на службе СС» [33, с. 193-194], немного упоминается в книге В. Никитина «Финская армия: русский след. Люди и оружие» [55, с. 332-333], есть упоминание в сборнике опубликованных документов из серии «Документы советской истории» – «Советская пропаганда на завершающем этапе войны (1943-1945)» [63, с. 266-274]. Но в этих случаях – о событии сказано кратко, и оно не упоминается как «Лапландская война» или «война» вообще – о нем говорится в ключе процесса вывода войск противника по условиям перемирия, в крайнем случае – название упомянуто как «неофициальное» – как можно наблюдать в статье В.В. Рогинского [57, с. 177]. В принципе, большинство из того малого списка исследований, посвященных в отечественной науке Лапландской войне – вышли в свет в 2014-2019 года. До этого периода – самостоятельных исследований по теме этой войны почти не наблюдается, и указанный выше список работ – все равно довольно мал, а тема изучается медленно.

Ситуацию лишь отчасти спасают переводы зарубежных исследований, и переводы источников мемуарного характера, хотя анализ этих материалов приводит к выводу о том, что большое количество работ 80-90 годов остаются непереведенными, при том, что сами являются ценнейшими исследованиями авторов из стран-участниц описываемого конфликта или же его современников. Однако – в таком случае нельзя сказать о том, что о

события в принципе ничего не известно, и в таком случае снова остается открытым вопрос отсутствия темы в работах отечественных ученых.

Возможно, остается еще ряд вопросов, которые автор данного исследования для себя не выявил в качестве причин к почти полному, во многом парадоксальному отсутствию публикаций по теме, но, думается, что в списке перечисленных выше – находятся основные.

2.2. Вопрос хронологических рамок Лапландской войны. Война *de-jure* и *de-facto*.

Говоря об этом конфликте – сразу следует разобрать его хронологические рамки, точно так же, как было сделано в первой главе с процессом подготовки и хода переговоров о перемирии.

Следует понимать, что состояние войны как таковое - между Германией и Финляндией настало ровно в тот момент, когда Финляндия объявила о разрыве отношений с Рейхом по требованию СССР в качестве предварительного условия к началу переговоров о перемирии. Произошло это, как уже было указано выше – 2 сентября 1944 года, когда немецкому послу в Хельсинки вручили соответствующую ноту, и глава правительства А. Хакцель выступил с официальным заявлением на радио. С этого момента отношения между странами считались разорванными на официальном уровне.

Весьма интересно отметить, что обе страны, чьи армии стали вражескими по отношению друг к другу – в совершенно разное время официально объявили друг другу войну. Казалось бы – финны сделали это, как было указано – 2 сентября, но тогда речь шла о разрыве отношений и просьбе уйти из страны, но не о начале войны, которую финны в действительности объявили только в марте 1945 года [48, с. 47], а разница между этими понятиями – довольно велика. Немцы же, по сути, войны как таковой не объявили с юридической точки зрения, но по факту их действия с

сентября 1944 года не несли никаких иных смыслов кроме как ведение боевых действий против вышедших из сотрудничества финнов.

Эти боевые действия, которые открыли собой конфликт между немцами и финнами – проявились уже 15 сентября [74, с. 103 – 104], когда немцы попытались согласно операции «Танне-Ост» захватить о-в. Гогланд, но потерпели поражение от финского гарнизона, войска которого уже были связаны обязательствами предварительных условий о перемирии с СССР. И пусть активная фаза конфликта еще предстоит в будущем – эту дату большинство из изучавших этот вопрос ученых считают началом Лапландской войны.

Другие ученые называют такими датами 27-28 сентября [84, с. 298], когда впервые нарушились обоюдные негласные договоренности отступающих сил Рейха и преследующих их финских войск.

Однако – существует большая разница между, например – периодом 15 сентября – началом октября 1944 года, и периодом с октября 1944 по апрель 1945. Разница в том, что хоть финны и обязались разорвать отношения с немцами в указанный выше срок – в период сентября-октября 1944 года преследуя самые разные цели – финны, разорвав отношения официально – все еще старались содействовать немецким силам, которые требовалось эвакуировать с территории страны, опять же – по одному из предварительных условий СССР. В этом во время заседаний по обсуждению переговоров о перемирии их неоднократно обвинял Молотов, так как, по его мнению – финны неверно расставляли приоритеты: требовалось быстрее изгнать немцев из Финляндии, а не делать им «удобные условия» для их ухода. Конечно, отношения между бывшими братьями по оружию уже были несколько натянутыми, но Финляндия хотела, чтобы немцы оставили страну ни сколько быстро, но скорее с минимальным ущербом для нее. Естественно, данная конкретика не слишком волновала Советский Союз. Другое дело – когда с октября по апрель 1945 года эти «натянутые отношения» сменились

настоящим обоюдным конфликтом, который иначе как войной назвать не получается. О былом сотрудничестве или соглашениях между командованием немцев и финнов не могло идти и речи, боевые действия откликались весомым количеством погибших (весомым для страны, которая уже вышла из войны) и большим ущербом для городов и в целом, территории страны, потому как, уходя – немцы использовали тактику «выжженной земли».

На фоне этих рассуждений как раз и ставится вопрос о том, какой промежуток времени стоит считать «Лапландской войной». Автор данного исследования пришел к предположению, что все-таки более осмысленным и верным будет считать промежуток с октября 1944 по апрель 1945 года, потому что в данном случае всё то, что происходило в Финляндии – действительно подходит под определение войны, которые вели между собой обе стороны – немцы и финны. Первый же промежуток, начиная с немецкой атаки на о-в Гогланд 15 сентября, и по октябрь 1944 стоит считать скорее реакцией сил Германии на решение финнов выйти из войны, на которую финны ответили, в том числе и из показательных целей, не продолжая активную деятельность по выводу немцев с территории страны. Это своего рода промежуточные действия перед основным разразившимся столкновением. Ведь в дальнейшем – до конца сентября-начала октября, таких же крупных событий с обоюдным участием и финнов и немцев – не последовало, а действовали в основном немцы. Известна их деятельность еще в тот момент, когда стало ясно, что Финляндия выйдет из войны – немецкие силы (в основном в северной части страны) сосредотачивали технику, окапывались на территориях, где были расположены, и, в принципе, уходить с территорий не собирались.

Таким образом, автор исследования предполагает, что следует считать реальными хронологическими рамками Лапландской войны – полноценные

боевые действия между войсками Германии и силами Финляндии с 1 октября 1944 года по 27 апреля 1945 года.

2.3. Предваряющие полноценный конфликт события. Операции «Бирке», «Танне-Вест» и «Танне-Ост». Совместная деятельность немцев и финнов в сентябре 1944 года.

Три названные в заголовке операции – существовали в процессе подготовки еще с начала 1944 года, а впервые были изданы в качестве приказа по директиве Гитлера №50 еще в сентябре 1943 [29, с. 489]. Их следовало выполнить в случае подтвержденного направления Финляндии на путь выхода из войны, для сохранения преимуществ Германии в данном регионе.

Операция «Бирке» («Берёза») предусматривала отход сил 20-й горной армии под командованием Л. Рендулича к району Петсамо для защиты и удержания под немецким контролем никелевых шахт, а так же концентрации сил вокруг Рованиеми (см. рис. 2.1.). Она состояла из трех этапов, известных под кодовыми названиями «Birke anschlagen», «Birke fällen» и «Birke zerkleinern». Первый этап – как раз и состоял в удержании шахт по добыче никеля [84, с. 292], второй – отступление на север страны, а третий этап – в концентрации войск в районе Рованиеми. Операция была тайной, рассчитывалось провести ее стремительно, без уведомления и пояснений финской стороне. Для ее реализации немцам на руку были секретные договоренности о финской поддержке во время их ухода к Норвегии, которые позволили пользоваться мостами, железными дорогами и транспортом финнов. В целом, эти меры, которые предусматривались операцией «Бирке» можно было считать успешными – требования операции, начавшейся 6 сентября, были в целом выполнены. Плановое отступление состоялось, а когда в никеле из шахт Петсамо прекратила иметься острая нужда – Гитлер издал приказ об эвакуации войск и персонала, который был там размещен. Следующей после «Бирке» стала операция под кодовым

названием «Нордлихт» («Северное сияния» - не путать с операцией, разработанной после битвы за Ленинград, под таким же названием в 1942 году), основной задачей которой и стало окончательное отступление в Норвегию, она была начата с начала октября 1944 года [84, с. 300-301].

Две других операции «Танне-Ост» («Восточная ель») и «Танне-Вест» («Западная ель») – предусматривали захват острова Гогланд (Суурсари) и Аландских островов соответственно, для сохранения морских путей снабжения армии [84, с. 276-277, 292].

Операции начались в сентябре, когда заключение финнами перемирия с СССР стало неминуемым и сами финны сообщили о своих намерениях по предварительным условиям к началу переговоров. Известно, что «Танне-Ост» и «...Вест» планировали провести в самом начале месяца, однако 3 числа выяснилось, что захват Аландских островов невозможен по причине шведских интересов на этой территории. Испортить отношения со Швецией Германия позволить себе не могла, потому как, была связана с этой страной в экономическом плане, а в условиях войны, подходящей к концу – терять поддержку любого рода для нее было слишком большой роскошью. «Танне-Ост» откладывался ввиду отсутствия прошедших десантную подготовку частей. В действительности – попытку захвата острова Гогланд (Суурсари) в рамках «Танне-Ост» немцы совершили утром 15 сентября, когда в этот же момент в Москве проходили заседания делегаций СССР и Финляндии по вопросам перемирия. Многие ученые, описывавшие этот период в исследованиях – считают началом открытых конфликтов именно эту дату, когда немцами были нарушены финско-немецкие договоренности о взаимных уступках ради общего блага [74, с. 103-104 ; 84, с. 296].

Если ранее по поводу выполнения этой операции высказывались сомнения – то теперь немецкое командование решило завладеть островом, так как не хотело, чтобы он достался силам СССР. Воспользовавшись положением финского гарнизона на острове, который по идее не должен был

сопротивляться захвату его немцами (были перехвачены радиопередачи, в которых комендант гарнизона говорил, что не намерен стрелять по немцам [84, с. 296]) – немецкие силы предприняли атаку рано утром, 15 сентября 1944, однако – все-таки встретили финское сопротивление. Немцам не оказали поддержку ни собственные суда, ограничившиеся лишь высадкой десанта, ни авиация, и потому операция завершилась полным провалом (см. рис 2.2, рис 2.3, рис. 2.4). Эрл Зимке пишет, что данная атака и то, что финны ее отбили – было Финляндии лишь на руку в тот момент, когда в Москве их обвиняли в пассивной деятельности по противостоянию немцами и выводу последних из страны.

Интересно, что разные авторы по-разному описывают события оставшихся дней до конца сентября. Так, Зимке пишет, что в этот период действовали негласные договоренности между финнами и немцами, которые получили название «Осенних маневров» – показательных имитационных действий [84, с. 197]. В противовес ему Майстер Юрг пишет о том, что отношения финнов и немцев были испорчены после атаки на Гогланд и немцы стали куда активней производить атаки на финские войска. Так же, Юрг пишет о том, что при отступлении они взрывали за собой мосты, дороги, минировали территории – тогда как Эрл Зимке указывает, что в рамках «...манёвров» предусматривались такие действия в ограниченном масштабе, которые были призваны «задержать» финнов, давая немцам возможность уйти без последствий. Истина между этими двумя мнениями, скорее всего где-то посередине. Автор данного исследования допускает, что отношения действительно могли испортиться, но в основном со стороны Германии. Речь идет о минировании территорий в области Кеми, атаках немецких подлодок на финские суда, редкие попытки немецкой авиации совершить тот или иной налет. Однако, скорее всего, договоренности не были настолько исполнены пожертвования финнами качеством своих дорог и мостов, но еще у ряда историков есть сведения о том, что между финнами и

немцами действительно сохранялась специально выдерживаемая дистанция, не дающая перейти к открытым столкновениям, в том числе эти сведения присутствуют в одной из немногих отечественных публикаций по теме Лапландской войны под авторством С. Г. Веригина и Г. В. Чумакова [40, с. 75]. Что, в принципе – не мешало немцам производить уже тогда чрезмерные разрушения. С их стороны – финны были уже не братьями по оружию, но предателями, вышедшими из войны, потому они вполне могли уже в этот момент производить разрушения, которые с финнами оговорены не были.

Однако, при любых раскладах – вывод немецких войск шел медленно. Этот факт отмечают все. И за всеми этими операциями с неодобрением наблюдали члены СКК в Финляндии, которые в целом представляли собой орган СССР по надзору за выполнением условий перемирия. Председатель СКК, А.А. Жданов и его заместитель – генерал Савоненков - все больше производили давление на финнов, требуя более активной деятельности по их выводу и разоружению. К октябрю началась наиболее активная часть конфликта, которая и подразумевается под названием «Лапландской войны».

2.4. Причины конфликта, его участники. Невозможность избежать войны и ответственность за её начало.

Установление причин конфликта, а с ними – и тех, кто может разделить ответственность за его начало и ход, это один из самых важных вопросов в данном исследовании, важность которого не превышают ни описания операций, ни итоги. Потому как, случай Лапландской войны – носит слишком конкретный, отдельный характер, которому вряд ли можно найти аналоги в военной истории этого периода.

Основными причинами конфликта стали: – по мнению СССР, слишком медленные, даже пассивные действия Финляндии в согласии с пунктами перемирия, из-за чего было усилено давление на финнов органом СКК, и начаты активные боевые действия против сил Германии. По мнению Германии – выход Финляндии из войны, и стремление к выводу войск, что

немцы считали актом предательства, и чему некоторые члены немецкой армии на первых порах не хотели даже верить. Мнения финнов о причинах начала конфликта разделялись: одни ставили в вину чрезмерно жесткие и сжатые сроки, поставленные СССР по условиям перемирия. Другие же считали причиной конфликта - нарушение негласных договоренностей между немецкими и финскими командованиями, когда финны стремились помочь немцам в срок выйти за пределы страны, а от немцев ждали того, что они не будут причинять в процессе выхода большого вреда стране и жителям. По итогу: источник причин конфликта – присутствие немцев на территории Северной Финляндии и их деструктивная деятельность. Пока немцы находились в стране – продолжался и конфликт. Как только все немецкие силы оказались за ее пределами – конфликт был так же завершен.

После рассмотрения причин следует описать степень вовлеченности и влияния на него всех трех участников, чтобы понять его истоки, длительность, причиненный вред и т.д. В случае Лапландской войны сложно, и неверно назвать кого-то одного ответственным за его развязывание. Каждый из участников, так или иначе, внес свой «вклад» в общие потери и разрушения.

У Советского Союза были резонные требования о разрыве всех отношений финнов с немцами, процессе разоружения и вывода немецких войск из страны. Однако – принимая во внимание медлительный и осторожный характер Финляндии, и то, как долго и на каких крепких общих началах финны воевали бок о бок с немцами – выбор такой жесткой политики давления на Финляндию сыграл свою роль. В основном Советский Союз повлиял на начало разразившегося конфликта, ратуя всё за тот же вопрос, который так часто интересовал и беспокоил Финляндию - вопрос разоружения и отчуждения с территории страны сил Рейха. Финны, конечно же, желали выхода из войны и могли выполнить требование – но, первое: не желали быть неблагодарными за годы помощи и поддержки немецких сил, и

– второе: не хотели раздражать немцев чтобы те, уходя причиняли вред территориям и имуществу жителей Финляндии. Потому в сентябре 1944 года наводя те или иные договоренности между командованием финских и немецких войск, они преследовали цели сгладить, сделать как можно более быстрыми, но вместе с тем – ненапряженными все их действия по отношению к выводу немецких войск. Об этом свидетельствует и письмо Маннергейма Гитлеру в сентябре 1944, и разговоры маршала (в тот момент уже президента) с генералами Эрфуртом и Рендуlichem, и тайные переговоры в Рованиеми в промежутке 11-18 сентября, сутью которых были договоренности предоставления немцам для нужд вывоза людей и техники финский транспорт и железнодорожные пути.

Однако, СССР выбрал путь сильного давления на финнов через фактически свой орган Союзной Контрольной Комиссии во главе с А.А. Ждановым, а до этого – назначил сроки вывода войск слишком короткими для 200000-й 20-й горной армии. Генерал-полковник Л.Рендулич еще в начале сентября высказывал уверенные опасения касательно того, что, несмотря на начавшиеся процессы эвакуации, выполнить их к требуемому в предварительных условиях СССР сроку 15 сентября – просто невозможно []. В своих мемуарах он писал: «Армия состояла из двух групп, разделенных 200-километровой зоной скал, болот и девственных лесов...[..]. Армия насчитывала 200 тыс. человек, имела более 60 тыс. лошадей. Части и подразделения снабжения корпусов и армии были моторизованы...»...[...].»По условиям договора о перемирии немецкой горной армии предоставлялся 14-дневный срок для эвакуации из Финляндии. По истечении этого срока против нее [191] возобновлялись боевые действия, и она могла оказаться в плену. Из южной части Финляндии, где находились только части и учреждения службы снабжения, мы могли эвакуироваться в срок, и это было сделано. Для эвакуации же из Лапландии армии

требовалось, как показал опыт, от двух до трех месяцев. Русские знали это. Поэтому столкновение с финнами было неизбежным.» [24].

Так же, среди прочих условий - СССР назначил обязательную демобилизацию финских войск, которые нужно было сократить на 50% и перевести армию в мирный режим. В итоге, к началу октября 1944 года, когда СССР поставил фактически ультиматум о том, чтобы финны активнее выполняли это условие – на противостояние закаленным в боях егерям 20-й горной армии вышли по большей части молодые неопытные солдаты. Из-за этого в финской историографии эти боевые действия иногда сравнивают с детским крестовым походом [75]. Маннергейм писал: «Только чудом можно объяснить, что эта демобилизация не парализовала полностью боевых действий» [20, с. 448]. Так, согласно отчетам СКК Молотову – к 5 декабря 1944 количество активных войск морских сил финнов составило до 4 481 человека [17, л. 12]. И это только сведения о морских силах.

Все эти меры, которые вел Советский Союз в своей решимости добиться ускоренного выполнения условий перемирия – привели к началу противоборств последних дней сентября-начала октября 1944 года, и в дальнейшем – к итогу разрушенной, выжженной северной части страны.

У Германии было достаточно причин не уходить из Финляндии по требованию условий перемирия. Немцы держали под контролем важнейшие аэродромы финнов, корабли и подлодки контролировали море. В случае подводного флота – немцы на этих территориях занимались, в том числе и обучением и подготовкой подводников. Кроме всего прочего – на территории Финляндии у Германии был интерес в области ресурсов. В районе Петсамо находились никелевые шахты, которые были нужны Рейху, и отчасти и по этой причине Гитлер желал, чтобы немецкие войска продолжали находиться в Финляндии. При любых обстоятельствах, касающихся других участников, повлиявших на конфликт – атаки и агрессию проявили первыми именно немцы. Не стоит забывать операции «Танне-Ост» и «..-Вест», минирование

портов, потопление нескольких финских судов. К тому же, будучи разочарованными в своем бывшем боевом соратнике – немцы навязывали свою власть там, где были расквартированы. Есть текст воззвания Лотара Рендулича, где он сообщает, что в населенных пунктах, где стоят немецкие войска – власть переходит к командующему, и население контролируется войсками [74, с. 110-111]. Фактически, это можно назвать локальной оккупацией того или иного населенного пункта.

Несмотря на то, что со стороны финнов конфликт произошел с подачи Советского Союза – чрезмерно разрушительные действия немцев, отходящих по тактике «выжженной земли» только больше убеждали финнов к ведению более жестких боев, что сопровождалось новыми разрушениями [33, с. 193-194]. Город Рованиemi, где в сентябре происходили негласные переговоры командования армиями о помощи при эвакуации – был сожжен и разрушен дотла. К тому же, среди отступающих немцев процветало мародерство на землях, через которые они проходили по пути в Норвегию.

Действия финнов так же, конечно же, повлияли на конфликт и его продолжительность, хотя и не вызвали его непосредственного начала. Сентябрьские договоренности, произведенные в Рованиemi на тайных переговорах о «совместных маневрах» открыли немцам доступ к транспорту и железнодорожным путям в Финляндии. То, что позволяло, по мнению финской стороны - быстрее и удобнее произвести эвакуацию немцев, на деле способствовало стягиванию войск и припасов а так же повышенной мобильности немецких войск, что позволило им при отступлении быть на шаг впереди финских сил, которые наступали на их позиции после ультимативного нажима на командование со стороны верхушки СКК. Немцы, таким образом, успевали отходить, взрывая дороги, разрушая мосты и оставляя сожженными города и поселения. В таких условиях вести качественное преследование финские и советские силы могли с гораздо меньшим успехом.

По сути, так как история не знает сослагательного наклонения – можно сказать, что конфликта нельзя было избежать. Немцы, так или иначе, отреагировали бы агрессивно на выход Финляндии из войны, а если бы финны продолжили войну с СССР до конца, те же разрушения, плюс условия капитуляции привели бы с собой вступившие в страну войска Советского Союза. СССР, так или иначе, требовал бы от финнов обязательным условием вывод немецких сил из Финляндии. Вопрос сложности интернирования или эвакуации немецких сил ставился с самого начала, когда финны получили первые предварительные условия к началу переговоров. Уже тогда были опасения, что просто так силы Рейха из страны вывезти не удастся. При каждом доступном к обсуждению условий моменте финны стремились увеличить сроки этого пункта. Единственным вариантом, при котором конфликт бы не случился – мог быть случай, если бы в договоре о перемирии были бы прописаны более широкие сроки на выполнение эвакуации немецких войск, чего, конечно же, не случилось бы.

По итогу – автор исследования приходит к мнению, что конфликта, скорее всего, избежать бы не удалось. Вопрос вызывает лишь начало его самой серьезной и активной фазы с октября 1944 года, к которому, как уже было разобрано выше – имеет отношение Советский Союз, его выбор сроков на выполнение пункта эвакуации немцев и его методы давления на Финляндию через орган СКК.

2.5. Ход боевых действий Лапландской войны с 1 октября 1944 года по 27 апреля 1945

Согласно с условиями перемирия – в случае, если в указанные по договору сроки немцы не успевали эвакуироваться с территории Финляндии – финны должны были разоружить их и передать в качестве пленных Советскому Союзу. Однако – финны продолжали попытки к эвакуации даже после завершения выставленных СССР сроков, дела с разоружением шли

почти безрезультатно. По этому поводу в пункте договора о перемирии так же сказано, что в этом случае – СССР станет оказывать помощь финнам в вопросе вывода, разоружения и пленения оставшихся в стране немцев.

К концу сентября - началу октября давление со стороны членов СКК было наиболее сильным. Членов комиссии раздражала медлительность финнов и нежелание активно проводить мероприятия по разоружению и преследованию немцев в страны [17, л. 7-8].

Первые этапы Лапландской войны и ее активной фазы начались с распоряжений А.А. Жданова как председателя СКК. Распоряжения были сделаны в весьма требовательной, а после и практически ультимативной форме. Так, в первом таком сообщении от финнов уже требовали предоставления конкретного плана действий по преследованию немецких сил, детализированных планов и отчетов о количестве плененных и разоруженных немцев. В качестве примера - один из таких планов можно найти в архиве МИД РФ, от 11.10.44 [17, л. 9-11] (см. рис. 2.5, 2.6). Так же требовалось принять в состав финских формирований определенное количество советских представителей для более жесткого контроля их деятельности. Первое заявление завершалось угрожающими предупреждениями Маннергейму: «Я должен предупредить Вас, г-н Президент и Главком, что если настоящее заявление Советского Правительства не будет выполнено Финским Правительством и Главным Военным Командованием Финляндии, то Советское Командование вынуждено будет само принять те меры, которые оно сочтет необходимым» [40, с. 76]. В.А. Кутузов в своей статье, посвященной работе А.А. Жданова в этот период, так же отмечает – что глава СКК прибегал к слухам о готовящейся оккупации страны, в случае промедлений [50, с. 401]. В свою очередь, в статье Веригина и Лайдинена есть упоминания о том, что он мог превышать свои полномочий, получая за них выговоры [40, с. 79]. Возможно, этот случай – один из таких. При всей роли СКК и ее главы – объявлять

настолько широкомасштабные действия он не мог, во всяком случае, без согласования и поддержке руководства в Москве.

Возможно, что последовавшие за этим заявлением боевые действия – не первые среди случившихся столкновений финнов и немцев, но ультимативная форма этих заявлений, и постоянное давление СКК, конечно же – с одной стороны, ускорило процесс выхода немцев с территории финнов. Как упоминают многие финские историки, сделано это было слишком резко, и если бы финнов не заставляли преследовать войска немцев, навязывая, таким образом, столкновения – скорее всего тактика «выжженной земли» не была бы применена [40, с. 79].

Однако – есть данные о еще более ранних начальных столкновениях. Согласно публикации Эрла Зимке, известно, что 28 сентября, командир финского батальона, следовавшего за 7-й дивизией 20-й горной армии, которая располагалась у Пудасьярви – приказал на короткое время открыть огонь, а после потребовал дивизию уйти с территории еще до ночи. Сначала немцы списали этот факт на неопытность и незнание установившейся ситуации между силами немцев и финнов, но они изменили это мнение, когда командир отказался идти на переговоры. Лотар Рендулич в ответ разрешил по надобности открыть ответный огонь и даже предъявил в сторону командира войск Сииласвуо ультиматум, чтобы он либо придерживался договоренностей, либо ответил за действия подчиненных. Однако финны два дня копили силы и вскоре взяли в плен немецкий взвод. Похожие действия произошли и в районе Кеми и Торнио [68, с. 224 ; 73, с. 16 ; 84, с. 298].

Уже с 1 октября финскими силами были совершены попытки овладеть мостами и дорогами в Кеми и Торнио, куда 30 сентября был направлен десант [73, с. 16 ; 84, с. 298]. В итоге – войска овладели центром города, дорогами, большей частью мостов, но не железнодорожным вокзалом. Что парадоксально – участвовавшие в боях силы общественного движения

сопротивления немцам под руководством Туре Лайо смогли взорвать мост, чтобы по нему немцы не смогли вывезти по ж/д путям людей и технику. Однако, немцы смогли вырваться, а мост, как оказалось, был взорван ошибочно запоздало [69].

2 октября истекал срок ответа на ультиматум Рендулича, финны ответили на него отказом. Ялмар Сииласвуо ответил лишь то, что никаких договоренностей между финнами и немцами не существовало, на что командующий 20-й горной армии ответил, что в таком случае – немцы будут вести неограниченные боевые действия с силами Финляндии [84, с. 299]. Согласно сведениям, предоставленным в работе Э. Зимке – именно в этот момент немцы перешли от момента выполнения негласных соглашений с финнами к открытой разрушительной деятельности по пути своего отступления. Ни о каких мирных или спокойных процессах вывода войск теперь уже не велось и речи – существует ряд фото, на которых запечатлены таблички, обозначающие заминированные зоны, оставляемые немцами, на которых написано: «Благодарим за доказанное отсутствие боевого товарищества»!.

3-7 октября велись бои под Торнио [69], куда 5 октября после очередного доклада о медлительности финнов заместителя главы СКК, генерал-полковника Савоненкова перебросили еще два пехотных полка. Интересны замечания Маннергейма касательно боев за Торнио, когда он упоминает, что свидетелями боев были иностранные наблюдатели. Прослеживается, опять же, та же показательная цель всех этих мероприятий, потому как Маннергейм торжествуя отмечая, что теперь никто не скажет о том, что финны имитируют деятельность по соблюдению условий перемирия [20, с. 446].

С 7 по 8 – усилились противостояния у города Кеми, где немцы успели взорвать большую часть мостов. Так же, на личной встрече А.А. Жданова и Маннергейма президент Финляндии подтвердил мнение о том, что операции

проходят действительно медленно, после чего, ссылаясь на условия перемирия – выразил желание принять помощь от СССР в виде участия советских войск. Эти войска, находившиеся сравнительно недалеко - могли отрезать путь к отступлению немцев у Ивало (так как основных направлений отступления немцев было два – через Ивало и Муонио), но получил отказ, объясненный тем, что делать это уже слишком поздно [20, с. 447]. Так же, согласно Э. Зимке – именно с 7 октября операция «Бирке» была дополнена и расширена до операции «Нордлихт», согласно которой немцам следовало отступить дальше на север, в Норвегию [84, с. 303].

Между тем, 7 октября советские силы начали Петсамо-Киркенесскую операцию, целью которой было наступление на поселки Петсами и Луостари [71, с. 31].

На пути к Рованиеми финны встретили защищающий его 218-й горнопехотный полк из 7 дивизии армии. У полка была задача задержать финские войска на пути в город по крайней мере до 14 числа. Части финских батальонов удалось вступить в схватку с немецким арьергардом, но только до того момента пока немцы не зашли в город, и не предприняли очередную попытку отступления, разрушив за собой мосты через реку Кеми []. Перед отступлением из Рованиеми – 9 числа Лотар Рендулич распорядился о разрушении всех государственных построек в городе, уцелеть должны были только больницы и церкви. Однако, прежде чем 16 числа покинуть город – немцы совершили поджог, который превратился в пожар по всему городу. В публикации О. Вехвиляйнена сказано, что из 1000 домов в городе уцелело около 50-ти [69]. Некоторые исследователи сообщали, что по большей части – такие разрушения вызваны попаданием огня к складу боеприпасов, но это ничуть не оправдывает действия немцев [79, с. 54]. Пожар бушевал около трех дней до того как немцы полностью оставили город, и финны вошли в Рованиеми, когда он был уже разрушен и сожжен дотла. В целом ряде работ упоминается, что подобные деструктивные действия были продиктованы

чувством мести Л. Рендулича за внезапное предательство финнов. Сложно об этом говорить как о факте, но то, что разрушения, которые причинялись коммуникациям и городам Финляндии – точно способствовало задержке продвижения войск, которые немцев преследовали.

Добраться до города быстрее мешала пересеченная местность и разрушенные дороги и мосты. Часть военной техники с низким клиренсом приходилось оставлять по пути, когда встречались речные переправы, мосты которых были приведены в негодность. Разбитые дороги приводили в негодность оставшуюся технику, причем, немцы отлично рассчитывали путь таким образом, чтобы путь преследователей проходил именно через многочисленные речные переправы, которые они предусмотрительно уничтожали. И таким был сценарий почти что всех отрезков пути преследования, а не только того, который относился к Рованиеми [70]. Немцы продолжали успешно отступать на север по нескольким направлениям, за что Финляндия получала новые упреки и усиливающееся давление со стороны СКК. Так, осуждалось провалившееся окружение Рованиеми, неиспользование благоприятной обстановки для более качественных атак под Торнио и Кеми, и упущение немецких сил из окружения в районе Юли-Портимоярви и Тайпале. Так же СКК была недовольно не начавшейся передачи пленных в руки советских сил, говоря, что в финском плену к немцам относятся в разы лучше, чем ранее - к советским пленникам, даже после подписания перемирия. Это заявление – так же как и первое, закачивалось требованием в течение двух суток с его получения предоставить СКК четкие планы действий финских сил по преследованию и разоружению немцев. Нагнетание и ускорение всех процессов явно не способствовало завершению конфликта – потому что немцы еще больше спешили покинуть территории, и стремились оставить врагу как можно меньше полезных средств или объектов для существования и продвижения финнов дальше. К тому же, в условиях приближающегося

холодного времени года – тактика «выжженной земли», предусматривающая не только разрушение дорог и мостов, но и их минирование – существенно осложнили продвижение преследующим их силам финнов и СССР. Вообще – вопрос минирования дорог и обширных территорий во время отступления немцев – вопрос, который еще долгое время после войны для финнов был очень болезненным. Смерти от взрывов от ненайденных вовремя мин случались еще определенное время, когда Финляндия стала действительно мирной после ухода немцев. Группы по разминированию работали с конца войны до 1952 года и сообщили, что к 1950 году они уже разминировали около 80 000 мин, 3000 бомб и более 600 000 гранат [79, с. 56].

В то же время как одни части находились под Рованиеми – 11 дивизия финнов шла по пути к Муонио [68, с. 225 ; 70]. Муонио был важным пунктом еще одного направления отступления немцев, и если бы его удалось занять – скорее всего на один путь к отступлению у немцев стало бы меньше. Здесь были жестокие столкновения, финнам несколько раз удавалось практически окружить арьергард, но немцы всегда успевали из него выйти, т.к. у финнов не хватало боеприпасов и артиллерийской поддержки по флангам. Из Рованиеми была стянута к Муонио 3-я дивизия, но в итоге – в Муонио финны вошли только тогда, когда битва закончилась, а немцы дальше пошли на отступление. Муонио так же был разрушен [21].

На юге от Ивало немцы успели подготовить укрепления с оборонительным валом (Shutzwall). Их защищала весьма сильная 169-я пехотная дивизия, и их практически нельзя было обойти. К тому же – финны настаивали на том, чтобы расширить количество войск в этом направлении, и просили в этом случае ограничить процессы демобилизации по условиям перемирия. Парадоксально, но СКК отказал финнам в этой просьбе, и даже настоял на том, чтобы демобилизовать еще больше войск, так что в итоге – укрепления с закаленными в боях немцами противостояли остатки батальонов Jääkäri, которые после боев под Рованиеми, дальнейших

столкновений и демобилизации очень сильно поредели в боевой силе. В итоге – как уже стало привычным – в Ивало финны вошли только тогда, когда немцы предприняли очередное отступление, и пусть и успели столкнуться с арьергардом немцев – но это было, как и раньше – почти безуспешным ходом, немцев снова не удалось остановить [70]. Это произошло уже 13 ноября.

В дальнейшем части финских формирований все так же подвергались демобилизации, в то время как немцы так же были более сильными и качественно подготовленными, чем обескровленная демобилизацией и потерями армия финнов. В конце января 1945 года немецкие войска заняли новые позиции в районе Люнгс-фьорда. Под контролем немцев оставался и небольшой участок территории Финляндии — иначе его называли «позиция Земмеринг» расположенная как бы на «стыке трех стран» в самом северном уголке Финляндии. До момента отвода немецких войск с этой позиции, то есть до 25 апреля 1945 года, они продолжали вести бои с финнами [53].

Интересно отметить, что хоть операция «Нордлихт», согласно которой немцы действовали с 7 октября, отступая в Норвегию – завершилась в конце января – ее кодовое название продолжали использовать в войсках вплоть до полного выхода немцев в Норвегию.

2.6. Завершение Лапландской войны. Итоги. Вопрос «точки невозврата» конфликта.

Немцы выходили в Норвегию через Кааресуванто и Килписъярви, вплоть до конца апреля 1945 года [70]. Несколько квадратных километров финской территории на крайней северо-западной оконечности Финляндии оставались в руках немцев вплоть до последней недели апреля, до того момента, когда они полностью покинули территорию финнов.

Несмотря на то, что по факту война еще не была завершена – в феврале 1945 года в Финляндии была создана комиссия для определения

ответственности и вины за участие, ведение и развязывание войны. О том, что «виновники» до сих пор не осуждены – Жданов сетовал в разговоре с Вуори в октябре 1944 [63, с. 272]. Дело в том, что в этом плане в Финляндии были весьма необычные особенности законодательства. Суть их в том, что лица, принимающие ответственность за решения войны и мира – не могут быть в этом обвинены, и соответственно, не могут нести ответственность за свои решения. Однако – статья 13-я (о наказании военных преступников и т.д.) в договоре о перемирии была в данном случае более приоритетна, и финны решили урегулировать эту проблему, уполномочив генерального прокурора создать специальный суд, на котором виновники войны могли быть осуждены. Маннергейм внес несколько поправок в новый закон – так например, в число осужденных виновных в приближении и втягивании Финляндии в войну на стороне немцев могли попасть только члены правительства. Обвинения мог выносить только генеральный прокурор, без права замены его на кого-либо еще (возможно, эта поправка продиктована опасениями Маннергейма о вмешательстве членов СКК в процесс), а так же – осужденные попадали под право президентского помилования [20, с. 451-452].

Лапландская война же, завершившись весной, в апреле – оставила финнам огромные разрушения, человеческие, экономические и иные потери. Урон большинству строений в крупных городах и поселках Северной Финляндии был до 90% [33, с. 193]. В иных поселениях, впрочем – он не доходит и до 10% - например, это Торнио, Кеми и муниципалитеты Рануа, Карунки и Тервола [79, с. 54]. Известно, что поначалу эта тактика планировалась к применению в случае поражения Финляндии от СССР. Тогда эти же меры могли бы замедлить советские силы так же, как немцы замедляли финнов. Однако от нее временно отказались, потому как действовали договоренности в Рованиеми.

Эвакуированные жители стали возвращаться на свои земли (конечно же, порой – опустошенные и без крова над головой) практически сразу после завершения войны, в некоторых случаях - еще на последних порах немцев в стране. Кроме уничтоженных средств коммуникации, техники, частной собственности – многие землевладельцы пострадали от потери своего промысла. Так, сильно отразилась война на оленеводстве, которое в этой области страны является очень распространенным явлением [79, с. 52-53].

Остается неуточненным вопрос количества погибших и раненых за время войны. В основополагающей по данной теме работе зарубежной историографии – книге Ahto Sampo «Lapin Sota» [78] приводится следующая: с финской стороны 774 погибших, с немецкой – 950. Однако – стоит принимать во внимание, что эта публикация вышла в свет в 1980 году, когда еще не были изучены подробно архивы, так что это количество потерь выглядит небольшим, и действительности соответствовать не могло. Куда более четко можно опираться на одну из сравнительно новых, отечественных статей под авторством С.Г. Веригина и Г.В. Чумакова, где приводится количество в 4 тыс. погибших с каждой из сторон конфликта [40, с. 79].

После того как закон о виновниках войны был принят – 15 ноября 1945 состоялся суд над осужденными. На скамье подсудимых присутствовали: Ристо Рюти, Вяйнё Таннер, Й.В.Рангель, Эдвин Линкомиес, Хенрик Рамсей, Т.М. Кивимяки, Тюко Рейникка Антти Кукконен [36, с. 217]. Изначально самый большой срок получил Ристо Рюти, которого осудили на 10 лет тюремного заключения, остальных осудили на тюремное заключение в диапазоне от 2 до 6 лет. Впрочем – почти все они были выпущены досрочно, Рейникка и Кукконен отбыли полный срок – 2 года, а остальных осуждённых от 21 февраля 1946 года выпускали на протяжении 1947-1949 годов. Карлу Густаву Маннергейму, в большую часть времени являвшемуся главнокомандующим финскими войсками не угрожало никаких процессов и

обвинений, так как он внес большой вклад для того, чтобы эта война прекратилась для Финляндии.

Такого же вывода нельзя сделать о генерал-полковнике Лотаре Рендуличе, командующем всей 20-й горной армией Рейха. После войны – находился в концлагере, в дальнейшем – его перевезли в Нюрнберг, на заседание военного трибунала по делу № 7 «О военном командовании на Юго-Востоке» (см. рис. 2.7.). В вину ему ставилась, среди прочих преступлений – и тактика «выжженной земли» и ведение боевых действий против финнов, вышедших из войны, но не объявивших до марта войны Германии. По решению военного трибунала он был осужден на 20 лет заключения, в 1951 срок сократили до 10 лет, а в конце года он был выпущен досрочно (см. рис. 2.8). За успешное завершение операции «Нордлихт» получил награду – Рыцарский крест с дубовыми листьями и мечами.

В дополнение к теме выполнения условий перемирия - Финляндия должна была выплачивать репарации в форме поставок самых разнообразных товаров. Договор о выплатах репараций был подписан 17 декабря 1944 года. В ранних вариантах текста перемирия – была указано сумма 600 миллионов долларов, что для измученной войной Финляндии было неподъемной суммой. Тогда, при поддержке британского посла Керра – сумму сократили до 300 млн, а срок выплат увеличили до 6 лет вместо 5. Однако, Маннергейм пишет, что оказалось, что требование было основано на уровне цен 1938 года, а так как цены с того периода увеличились вдвое – эти 300 млн. на деле – были все теми же 600. Однако после определенных переговоров суммы все-таки были снижены, условие было скорректировано [20, с. 453-454].

СКК в Финляндии продолжала действовать и после завершения Лапландской войны, ровно до того момента пока не Финляндия не подписала Парижский мирный договор с Советским Союзом 10 февраля 1947 года [40, с. 81].

Так же, уже после рассмотрения всех моментов, включенных в главу – следует рассмотреть вопрос – где была пройдена так называемая «точка невозврата», когда конфликт был уже неизбежен и неостановим в привычном понимании. Дело в том, что, в работе уже высказывались предположения – можно ли было избежать конфликта, где автором был сделан вывод о том, что избежать конфликта получилось бы только при единственном варианте – расширения сроков эвакуации немецких войск и меньший характер оказываемого давления членами СКК на финнов. Говоря же о «точке невозврата», той моменте где «Рубикон» был перейден, и направленность конфликта было уже не изменить – можно прийти к следующему выводу. В данном случае – чтобы судить о продолжительности и невозможности остановить конфликт, нужно найти его этап, в котором участвуют обе стороны. Подходящий под эти условия этап - когда с одной стороны, немцы стали применять тактику «выжженной земли» отступая на север и оставляя за собой разрушения. В случае финнов – когда они перестали выказывать к немецким войскам симпатий, прекратив выполнять договоренности, которых они достигли по обоюдному согласию на определенное время в Рованиemi. Можно ли считать «точкой невозврата» атаку немцев, произведенную на о-в Гогланд по плану «Танне-Ост»? Нет, потому как хоть немцы и стали вести более агрессивные действия в сторону финнов – основной конфликт между двумя противниками еще не был начат. Можно ли назвать «точной невозврата» заявления СКК в ультимативном, требовательном характере? Тоже нет, хоть и с их подачи конфликт был начат. Однако, известно, что и после таких заявлений финны могли затягивать ведение действий еще долгое время, замедляя весь процесс.

В качестве вывода к данной главе стоит указать, что данное исследование, его часть, посвященная Лапландской войне непосредственно – имеет далеко идущие планы по продолжению изучения данной темы. Во второй главе было дано не только перечисление всех основных операций

конфликта от его начала и до конца, но и рассмотрены важные вопросы для его понимания. Так, проведен анализ историографической ситуации по данной теме, описан вопрос разности распространения данной темы в зарубежной и отечественной историографии, высказаны причины к основным проблемам плохого отражения темы в прошлом.

Проанализировано самое начало существования Финляндии в рамках заключенного перемирия, и действия немцев на этом фоне в рамках подготовленных командованием операций.

Так же поставлен вопрос с предположением о хронологических рамках Лапландской войны, так как было замечено, что разные авторы по-разному смотрят на вопрос перехода финнов и немцев от мирного сосуществования в рамках негласных Рованиемских договоренностей к обоюдному военному противостоянию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное исследование под заголовком «Лапландская война: Финляндия как объект влияния СССР и Германии» велось по теме Лапландской войны, используя в качестве концепции – многоаспектное изучение как самого конфликта, так и связанных с ним событий, которые к нему привели, а так же – с какими последствиями он был завершён.

Тема Лапландской войны: локального конфликта на территории Северной Финляндии - в отечественной историографии до настоящего момента отмечена слабым приоритетом и интенсивностью публикации работ и трудов, основанных на ее изучении. Данная работа несла в себе актуальность в ряде вопросов, которые были поставлены автором, и на которые автор, проанализировав литературно-источниковую базу данной темы – попытался ответить, опираясь на изученный им материал.,

Автором были исследованы вопросы дипломатии, которые касались выхода Финляндии из войны. В работе для этого была выделена первая глава, где посредством деления на пункты и подпункты была сформирована детальная структура для рассмотрения изучаемых событий. Был рассмотрен весь путь Финляндии к выходу из советско-финской войны 1941-1944 годов, с целью проследить за изменениями и характером проявившихся особенностей мирных переговоров и зависящих от их качества условий перемирия, которое Финляндия, в конце концов, заключила с СССР 19 сентября 1944 года.

В частности, речь идет о нескольких пунктах, которые интересовали автора работы особенно. Во-первых, целесообразно было проследить весь процесс реализации идеи немецкого командования заключить с финнами «пакт», связывающий Финляндию и Германию, и приведший к ускоренному выходу страны из войны, как бы противоречиво это не звучало. Для этого понадобилось выйти из основных хронологических рамок исследования, и описать события 1943 года, связанные с предложением посредничества в

переговорах от США. Так же одной из важнейших задач стало описание и изучение всех опорных точек в процессе дипломатических поисков и переговоров для фиксации всех изменений в ряде условий к заключению перемирия. К таким относятся разоружение и эвакуация немецких войск с территории Финляндии. В целом – можно считать это условие основным «камнем преткновения» Лапландской войны. Если для завершения советско-финской войны 1941-1944 был целый ряд проблемных вопросов, замедлявших процесс заключения мира (вопрос границ, вопрос Ханко и Петсамо, вопрос присутствия немцев) – то в случае с Лапландской войной, ни один из проблемных вопросов связанных с выполнением условий перемирия не сравнится по важности с немецким присутствием.

Так же – относительно связи тем 1 и 2 глав важно было проследить путь реализации политических изменений в стране, ведь в итоге – перемирие было достигнуто только после полной смены правительства и президента, а в таком случае важно рассмотреть всё то, что привело к этому решению, и почему это было так важно. Потому в работе показаны действия одного правительства и президента Р. Рюти, и к чему это привело – и показан приход к власти К.Г. Маннергейма и его правительства, и итоги к которым пришла страна с новым руководством.

Объектом исследования был установлен региональный аспект международных отношений на севере Европы на завершающем этапе Второй Мировой войны. Именно поэтому требовалось не только рассмотреть боевые действия Лапландской войны и их последствия для страны, но и положение страны в системе международных отношений, которое сложилось вследствие ведения внешнеполитического курса Финляндии в 1943-конце 1944 годов. Важно было рассмотреть всю «политику лавирования» Финляндии, находившейся на пересечении интересов политики Германии и СССР, что и было достигнуто в полной мере через раскрытый в 1-й главе материал. Все что касалось, напротив – Лапландской войны, регионального, локального

конфликта пересечения интересов трех стран-участниц – было рассмотрено во 2 главе. Данный конфликт являлся предметом данного исследования, и рассматривался как итоговый и ключевой в вопросе противостояния СССР и Германии над регионом.

Цель всей работы была достигнута – после рассмотрения изученного материала можно с уверенностью сказать, что Лапландская война являлась закономерным конфликтом, имеющим прямую связь с ведением политики СССР через регуляцию и контроль исполнения условий договора о перемирии между СССР и Финляндией. Решены так же и все заявленные задачи работы, которые и способствовали достижению вышеуказанной цели. Так, исследование не только проводилось по набранному списку источников и литературы, которые подобрал в себя довольно широкий пласт публикаций, но и в нем был проведен анализ историографической составляющей и особой проблемы, связанной с историографией по данному вопросу. Были выявлены основные проблемы, согласно которым, по мнению автора, тема не являлась популярной в отечественной науке. Среди причин были отмечены: языковой барьер и удаленность источников, политические причины внутри страны, которые не приветствовали изучение подобных вопросов, малая информированность о составе и сути конфликта и ошибочно-недостаточная оценка связи этапов этого конфликта с действиями СССР. Согласно проведенным умозаключениям был сделан вывод о целесообразности, важности и необходимости освещения данной темы в отечественном поле исторической науки, так как на данный момент процент раскрытия данной темы в отечественной науке чрезвычайно мал. При этом, у данного конфликта есть связь с отечественной историей международных отношений, военной историей и т.д. Так же, принимая во внимание важность темы Второй Мировой войны в Российской Федерации – целесообразным будет на основе прошлых, настоящих и будущих исследований более активно и часто включать его в хронологию всей Второй Мировой войны. К сожалению, в

данный момент процент упоминаний этого конфликта в публикациях данной темы – чрезвычайно мал.

Продолжая оценивать выполненные задачи исследования – стоит отметить, что были выявлены все взаимосвязи между самим конфликтом и историей попыток заключения перемирия, которое к нему и привело. Об этом уже упоминалось выше в этом разделе. Отдельное место в исследовании было отдано оценке положения Финляндии между интересов двух противоборствующих государств, а так же были рассмотрены причины противоречий, которые препятствовали нормализации обстановки в стране столь продолжительное время. Практически вся первая глава была посвящена рассмотрению «политики лавирования» Финляндии между решениями и влиянием Советского Союза и Нацистской Германии, что привело не только к перемирию, а затем к Лапландской войне – но и к обособленному положению Финляндии в мире.

Конечно же, такая работа не могла обойтись и без описания и оценки боевых действий самой Лапландской войны, что было сделано в пунктах 2.5 и 2.6 второй главы настоящего исследования. В предшествующих им пунктах так же были рассмотрены предваряющие активную фазу конфликта действия – как со стороны Германии, так и со стороны Финляндии и СССР. Рассмотренные причины конфликта позволили выявить и объяснить цели и векторы, на которые были направлены действия всех участников конфликта.

Отдельно от всего остального ставилась задача выявления доли участия и влияния на конфликт советской стороны. По мнению автора, в ряде научных работ оценка действий и влияния СССР на начало и ход конфликта либо преуменьшалась, либо ей выставлялся не совсем верный вектор. Нужно признать, что ранее автор так же имел некоторого рода заблуждения в собственной оценке влияния Советского союза на конфликт, но проводя исследование, мнение было скорректировано, и сбалансированно в сторону более реального. Анализируя большое количество публикаций, стало ясно,

что роль СССР в развернувшемся разрушительном для Финляндии конфликте – не всегда воспринимается в полной мере. Стоит понимать, что без выбранной стратегии давления на финнов – конфликт мог быть вообще не начат. Это практически единственный момент (за исключением возможности более раннего перемирия, что, конечно, слишком удалено от реального положения вещей), когда конфликта можно было избежать, потому как между финнами и немцами действовали негласные договоренности, позволявшие немцам выйти из Финляндии не причиняя больших разрушений, а финнам – тем самым, выполнить требования СССР. Конечно – можно сказать, что финны не имели права продолжать подобные действия после истечения срока, данного условиями перемирия на эвакуацию – но Советский Союз мог принять во внимание и действовавшее ранее продолжительное время «боевое братство» и желание финнов избежать дальнейшего вреда, которые мог быть причинен и без того «уоставшей от войны» Финляндии. Однако СССР выбрал намеренно сжатые сроки, а СКК выбрало слишком требовательный и жесткий путь, граничащий с ультиматумом, который и был применен к плану действий финнов, и в итоге обрек страну на новые разрушения, даже когда финны вышли из войны и заключили перемирие с основным для них противником. Можно и принимать во внимание, что действия СССР были продиктованы положением победителя, а так же желанием, таким образом, отомстить финнам за войну против Союза, но едва ли такие действия можно назвать верными во всём. Никто не говорит и не утверждает того, что нужно было просто заключить мир и забыть выбор финнов воевать на стороне Германии, или о том, какой вред причинила Финляндия Советскому Союзу за годы войны, о попустительстве на таком уровне не идет и речи. Однако выбор методов контроля выполнения условий перемирия, которые приводят страну к новым разрушениям, которых можно было избежать при более верном выборе ведения контроля – подобных действий нельзя было допускать.

В историографии не столь часто можно найти свидетельства прямых обвинений, и автор данной работы считает, что винить какую-то одну сторону в конфликте не является верным. Так, в зарубежном издании издательства Osprey, посвященном советско-финским, и Лапландской войне, указано, что финны помнят этот конфликт как акт мести, направленный Сталиным и СССР против них [73, с. 17]. Автор данной работы не считает столь однозначную и довольно однобокую трактовку верной, хотя и доля правды в ней есть. По итогу, автор этого исследования принимает во внимание ответственность всех трех сторон конфликта за его начало и развитие, и указывает их по отношению к каждому из участников, но отдельно конкретизирует и обращает внимание на действия СССР (одного из участников), как стороны, влияющей и главенствующей в данный период над Финляндией (другого участника). Эта деталь весьма существенна в оценке ролей и влияния участников конфликта и распределения ответственности.

Так же – в работе были даны оценки завершения и итогов конфликта. Опираясь на последние исследования в данной области, были приведены статистические показатели нанесенного ущерба и потерь сторон, а так же рассмотрен вопрос последствий для «виновников войны». Был сделан анализ возможных шансов избежать конфликта и выявлена «точка невозврата», после которой конфликт, каким мы его знаем – уже было не остановить до того момента, на котором он прекратился. О возможном избежании конфликта уже было сказано в заключении, а вопрос, касающийся «точки невозврата» привел к обоснованию, что таким этапом стал разрыв действия негласных «рованиемских» договоренностей. То есть, когда немцы стали применять тактику «выжженной земли» а финны стали воспринимать немцев как противника после применения этой тактики при их отступлении на север.

Следует отметить, что поставленная во введении к работе гипотеза о том, что есть прямая зависимость между условиями мирного договора с СССР, которые подписала Финляндия, самим Советским Союзом и

развернувшимся новым конфликтом в уже заключившей перемирие Финляндии – подтвердилась по итогам работы. Все указанные методы, без сомнения помогли раскрыть все поставленные вопросы исследования.

Данное исследование можно считать целостным и завершённым, способным к дальнейшему развитию в иных научных работах, а так же на аспирантском уровне обучения. Подводя окончательный итог, следует выявить дополнительные тематики данного исследования, которые планируется изучить в формате будущих исследований. К таким относится тема лапландской войны в мировых СМИ, которые являлись наблюдателями за событиями в Финляндии; более детальное изучение негласных «рованиемских» договоренностей между немцами и финнами, которые существовали непосредственно перед началом активной фазы конфликта; более детальное рассмотрение темы немецкого присутствия и действий немецкого командования на финских землях после заключения перемирия. Конечно же, новые исследования предполагают ознакомление с большей частью зарубежных работ по данным темам для возможного введения в научный оборот отечественной исторической науки новых сведений и подробностей данного конфликта и тем, с ним связанных.

ПРИЛОЖЕНИЯ К РАБОТЕ

Рис. 1.1

Рис. 1.2

Рис. 1.3

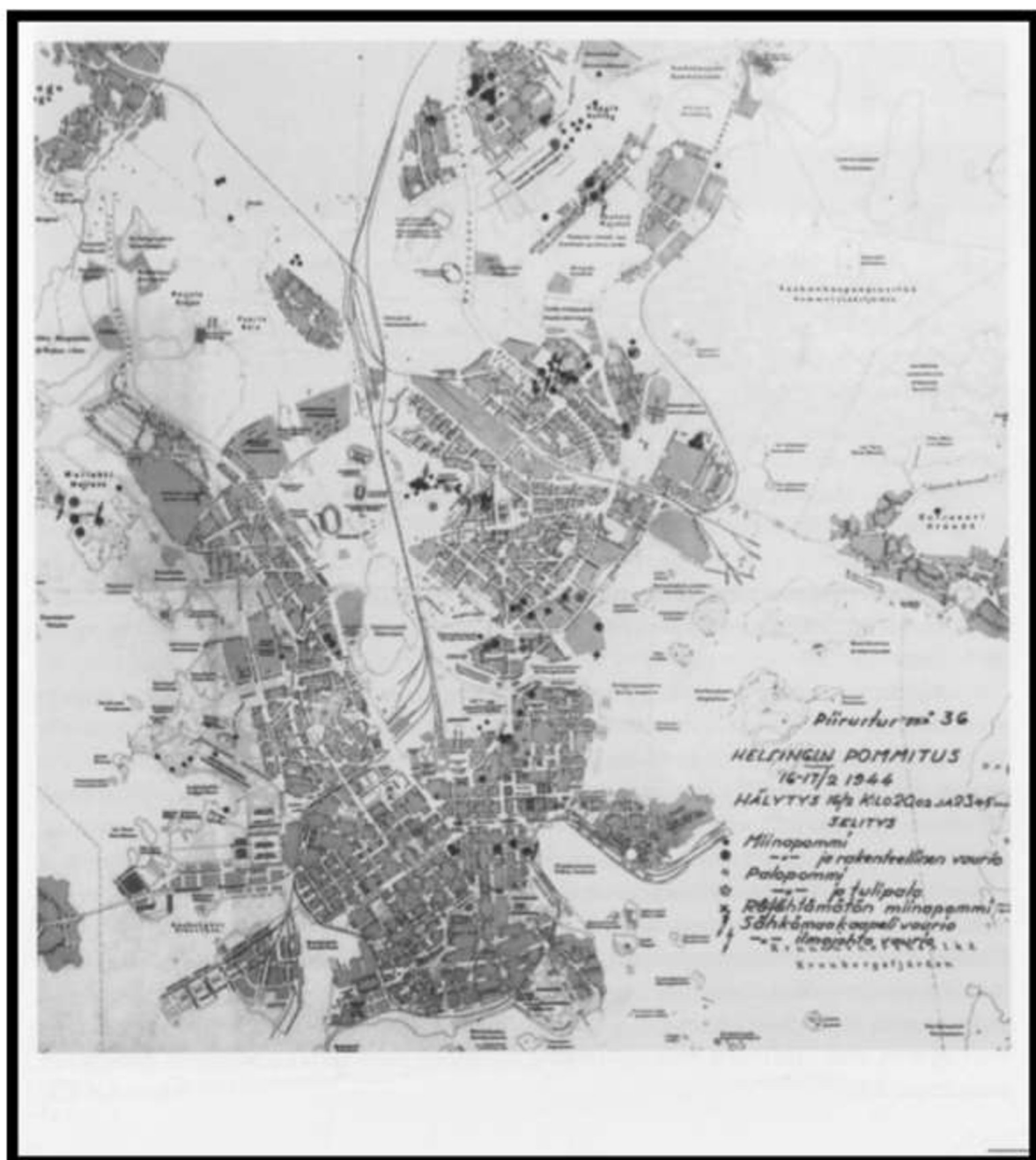

Рис. 1.4

К СОВЕТСКО-ФИНСКИМ ОТНОШЕНИЯМ

Отклики на заявление тов. А. Я. Вышинского
сделанное 22 апреля на пресс-конференции
в Наркоминделе СССР

ЛОНДОН, 25 апреля. (ТАСС). Газета «Ньюс кроникл» поместила редакционную статью под заголовком «Безумные финны», в которой пишет: «Отвергнув мирные условия, предложенные Советским Союзом, финны упустили почти несомненно, последний шанс выйти из войны без полной катастрофы. Если это случится, то никто не будет симпатизировать Финляндии. Русские проявили большую умеренность и фамильярность к финнам. Если правительство СССР займет в войне более резкую позицию, то это будет достаточно оправдано». «Финляндия», — сказал Вышинский, — «причинила нашей стране колоссальные потери и убытки, которые она обязана возместить по всем правилам справедливости».

«Отвергнув условия, — пишет далее газета, — финны проявили также отсутствие реализма, которым характеризовалось их вступление в войну. Будучи разбитыми русскими в 1940 г., они вновь вступили в войну в 1941 г. в надежде получить что-нибудь даром. Поступив таким образом, они добровольно впряглись в колесницу Германии и фактически стали вассальным государством. Теперь, когда Гитлер больше не в состоянии защищать их, единственная надежда финнов по восстановлению независимости, которая, как они глупо утверждают, будто бы находится под угрозой, заключается в признании русских условий».

НЬЮ-ЙОРК, 25 апреля. (ТАСС). Журнал «Арми энд нейв индустриал» пишет, что в Вашингтоне очень разочарованы отказом Финляндии принять советские условия перемирия. «Стало ясно, — пишет журнал, — что финское правительство решило остаться союзником Германии. США предупредили Финляндию о последствиях такого образа действий, но предупреждения и просьбы Соединенных Штатов попали на бесплодную почву. После поражения Германии СССР, конечно, заставит Финляндию принять более суровые условия».

Ответственный редактор Н. Н. ЧУГАЕВ.

Рис. 1.5

Рис. 1.6

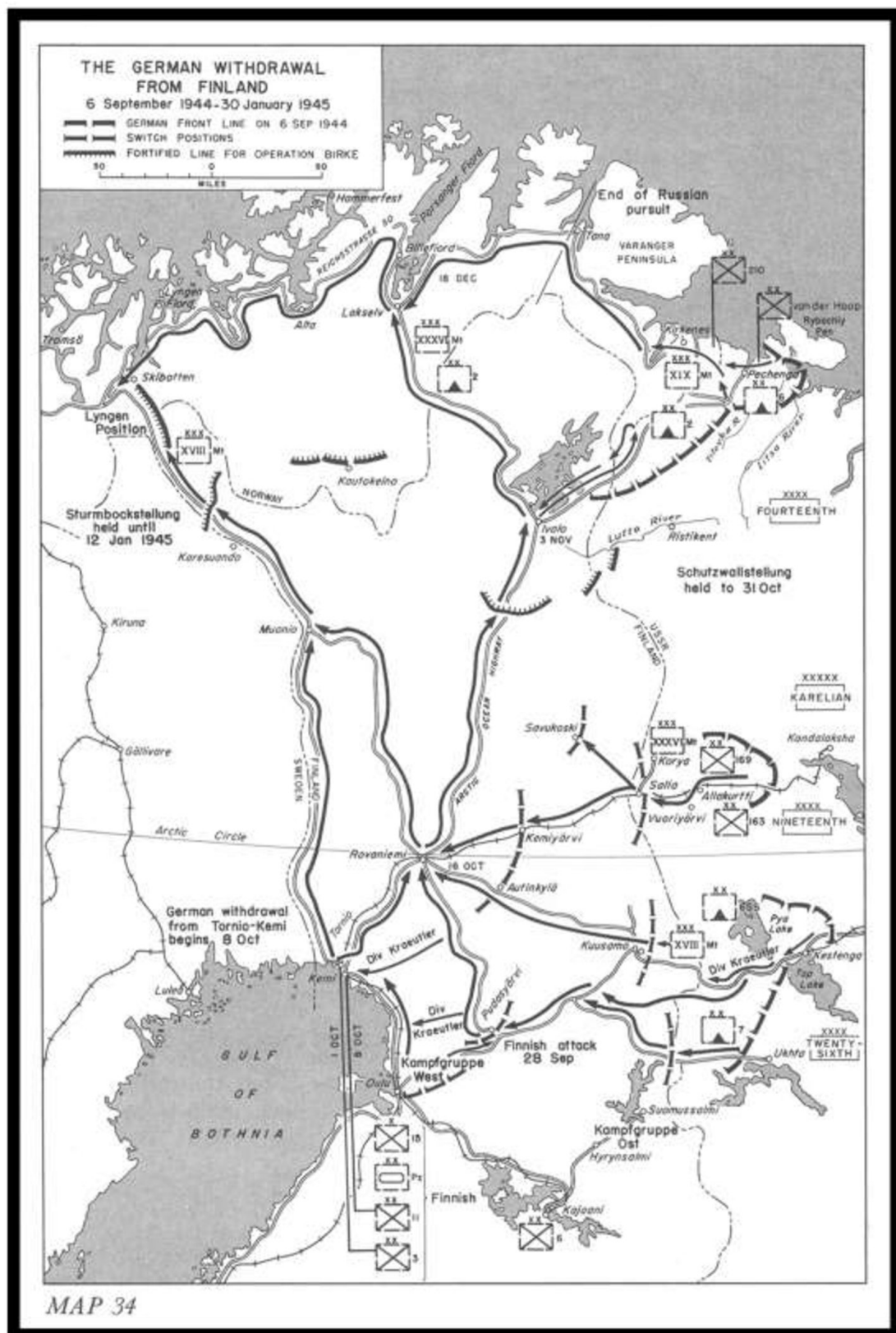

Рис. 2.1.

Рис. 2.2.

Рис. 2.3.

Рис. 2.4.

Рис. 2.5.

Рис. 2.6.

Рис. 2.7.

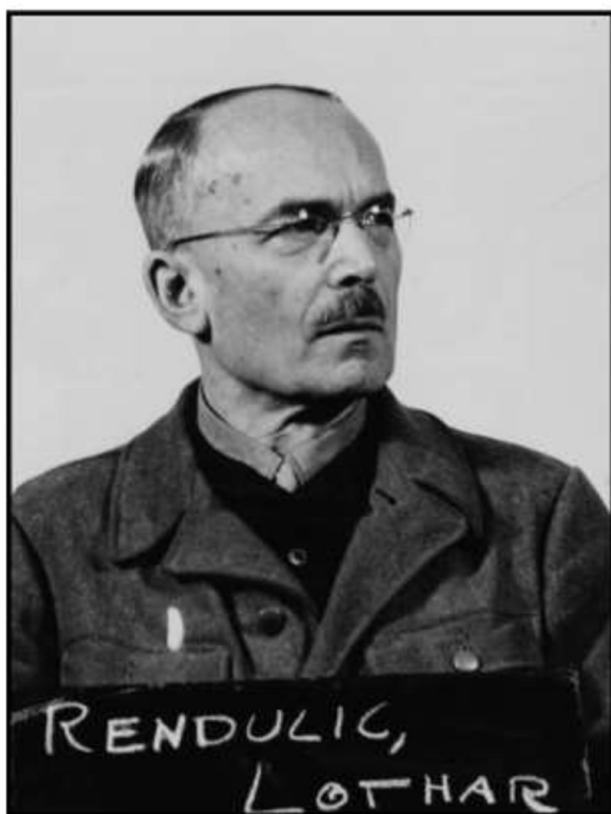

Рис. 2.8.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Опубликованные источники: архивные документы

1. Архив Министерства иностранных дел Российской Федерации (Архив МИД РФ). – Фонд 06 Секретариат В. М. Молотова. – Оп.4. – Д. 280 – 56 л.
2. Архив МИД РФ. – Ф. 06. – Оп.6. – Д. 709 – 82 л.
3. Архив МИД РФ. – Ф. 06. – Оп.6. – Д. 710 – 15 л
4. Архив МИД РФ. – Ф. 06. – Оп.6. – Д. 711 – 27 л
5. Архив МИД РФ. – Ф. 06. – Оп.6. – Д. 712 – 6 л
6. Архив МИД РФ. – Ф. 06. – Оп.6. – Д. 713 – 95 л
7. Архив МИД РФ. – Ф. 06. – Оп.6. – Д. 716 – 19 л
8. Архив МИД РФ. – Ф. 06. – Оп.6. – Д. 717. – 95 л
9. Архив МИД РФ. – Ф. 06. – Оп.6. – Д. 718 – 65 л
10. Архив МИД РФ. – Ф. 06. – Оп.6. – Д. 719 – 79 л
11. Архив МИД РФ. – Ф. 06. – Оп.6. – Д. 722 – 7 л
12. Архив МИД РФ. – Ф. 06. – Оп.6. – Д. 724 – 18 л
13. Архив МИД РФ. – Ф. 06. – Оп.6. – Д. 725 – 73 л
14. Архив МИД РФ. – Ф. 06. – Оп.6. – Д. 730 – 51 л
15. Архив МИД РФ. – Ф. 06. – Оп.6. – Д. 731 – 75 л
16. Архив МИД РФ. – Ф. 06. – Оп.6. – Д. 733 – 21 л
17. Архив МИД РФ. – Ф. 06. – Оп.6. – Д. 735 – 14 л

Опубликованные источники: публикации мемуарного характера

18. Войонмаа, В. Дипломатическая почта/ В. Войонмаа; [Пер. с фин. и коммент. С. В. Зайчикова]. - М.: Прогресс, 1984. - 284 с.
19. Голованов, А. Е. Дальняя бомбардировочная... /А. Е. Голованов. - М. : Дельта НБ, 2004. – 629 с.

20. Маннергейм, К. Г. Воспоминания / К. Г. Маннергейм; [пер. с англ. Ю. В. Лобода, В. В. Лобода]. - Минск: Попурри, 2012. - 511 с.
21. Маннергейм, К. Г. Мемуары / К. Г. Маннергейм ; [пер. с фин. Б. С. Злобина]. - М.: АСТ : Астрель, 2011. - 571 с.
22. Паасикиви, Ю. К. Дневники. Война-продолжение (11 марта 1941 - 27 июня 1944)/ Ю. К. Паасикиви; [пер. с фин. А.И. Рупасова]. - СПб.: Европейский дом, 2004. - 423 с.
23. Рендулич, Л. Фатальные ошибки вермахта: почему Германия проиграла войну/ Л. Рендулич ; [пер. с нем. А. Артемова, Ю. Сазонова]. - М.: Яуза: Эксмо, 2006. - 316 с.
24. Рендулич, Л. Управление войсками / Л. Рендулич. - М.: Воениздат, 1974. - 200 с.
25. Риббентроп, И. Между Лондоном и Москвой: Воспоминания и последние записи: Из его наследия, изданое А. фон Риббентроп/ И. Риббентроп; Пер. с нем. Г. Я. Рудого. - М.: Мысль, 1996. - 331 с.
26. Эрфурт, В. Финская война, 1941-1944 гг. / В. Эрфурт; пер. с нем. [А. Исаевой];. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. - 316 с.

Литература

27. Абрамов, В.К. Российский генерал и маршал Финляндии/ В.К. Абрамов// Финно-угорский мир. - Саранск: Изд-во МГУ им. Н. П. Огарёва. - 2016. - №4. - С. 57 - 68
28. Бабенко, О.В. [Рецензия] / О. В. Бабенко// Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. - 2013. - Вып.1. - С. 103-107. - Рец. на кн.: Дипломатические хитрости: англо-советские отношения и судьба Финляндии, 1944-1948 / Evans Н. Р. Diplomatic deceptions: Anglo-Soviet relations and the fate of Finland, 1944-1948. - Helsinki: Finn. Lit. Soc. , 2011. - 308 p.
29. Барышников, В. Н. О германских планах 1942 - 1945 гг. совершения государственного переворота в Финляндии / В. Н. Барышников //

- Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. – №12. – С. 485 – 502
- 30.** Барышников, В. Н. Вопрос о выходе Финляндии из войны и проблема образования финского «эмигрантского правительства» (1943 – 1944 гг.) / В. Н. Барышников // От войны к миру: СССР и Финляндия 1939 – 1944 гг.: Сб. статей. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. – С. 335 – 348
- 31.** Барышников, В. Н. К вопросу о выходе Финляндии из Второй Мировой войны: визит финской правительственной делегации в Москву в марте 1944 г. и его значение (по материалам архива министерства иностранных дел Финляндии) / В. Н. Барышников // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2016. – №16-1. – С. 140 – 156
- 32.** Барышников, В. Н. Антивоенное движение в Финляндии в 1941-1944 гг./ В. Н. Барышников// Вопросы истории европейского севера. Межвузовский сборник. – Петрозаводск: [б. м.], 1984. – С. 92-101
- 33.** Барышников, В. Н. Финны на службе в войсках СС/ В. Н. Барышников . – СПб.: Изд-во РХГА, 2014. – С. 146 – 184
- 34.** Барышников, Н. И., Барышников, В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во второй мировой войне / Н. И. Барышников, В. Н. Барышников, В. Г. Федоров. – Л.: Лениздат, 1989. – 336 с.
- 35.** Барышников, Н. И. Финляндия: из истории военного времени, 1939-1944 / Н. И. Барышников. - Санкт-Петербург: Наука, 2010. – 407 с.
- 36.** Барышников, Н. И., Лайдинен, Э. П. Избранное. Из истории советско-финляндских отношений /Н. И. Барышников, Э. П. Лайдинен. – СПб.: Изд-во РХГА, 2013. – С. 198 – 216
- 37.** Болдовский, К. «Журнал посещений» А. А. Жданова в Хельсинки как исторический источник для изучения деятельности Союзной Контрольной комиссии в Финляндии в 1944—1945 гг. / К. Болдовский

- // Финляндия и Россия: образы общего прошлого: Сборник научных статей. – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2014. – С. 126 – 137
- 38.** Великая Отечественная война 1941-1945. Документы и материалы: в 5 т. Т. 5: Освобождение Заполярья и борьба за Арктику/ Под общ. ред. С. К. Шойгу. – М.: Изд. центр «Воевода», 2015. – 416 с.
- 39.** Веригин, С. Г., Лайдинен, Э. П., Чумаков, Г. В. СССР и Финляндия в 1941 – 1944 гг.: неизученные аспекты военного противостояния /С. Г. Веригин, Э. П. Лайдинен, Г.В. Чумаков //Российская история. – М.: Изд-во РАН, 2009. – №3 – С. 90 – 103
- 40.** Веригин, С. Г., Чумаков, Г. В. Российский взгляд на Лапландскую войну: по материалам центральных российских архивов /С. Г. Веригин, Г.В. Чумаков //Труды кафедры истории нового и новейшего времени. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2016. – №16-2. – С. 68 – 85
- 41.** Вихавайнен, Т. Пропаганда и контроль общественного мнения в Финляндии во время войны 1939 – 1944/ Т. Вихавайнен // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII – XX вв.: Коллективная монография – М.: Издательский центр Ин-та российской истории РАН, 2006. – С. 371 – 387
- 42.** Власов, Л. В. Президент Финляндии К. Г.Э. Маннергейм и член Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Жданов: Встречи и переписка 1944—1945 годов /Л.В. Власов // Феномен Петербурга: Сборник. СПб.: БЛИЦ, 2006. – С. 242 – 248
- 43.** Журавель, В. П. Выход Финляндии из войны: история и современность /В. П. Журавель // Научно-аналитический Вестник Института Европы РАН. – М.: Изд-во Ин-та Европы РАН, 2018. – №4. – С. 232 – 237
- 44.** Иоффе Э. Линии Маннергейма: письма и документы, тайны и открытия: к 150-летию со дня рождения/ Э. Иоффе. - СПб: Изд-во «Пушкинского фонда», 2017. – 429 с.

- 45.Йокипии, М. Финляндия на пути к войне: Исследование о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940 - 1941 гг. / М. Йокипии. - Петрозаводск : Карелия, 1999. - 370 с
- 46.Коминтерн и вторая мировая война. В 2 ч. Ч. II. После 22 июня 1941 г./ Ин-т всеобщей истории РАН, Гос. архив. служба России, Рос. центр хранения и изучения док. новейшей истории; Сост., авт. вступит. статьи и коммент. Н.С. Лебедева, М.М. Наринский, отв. ред. К.М. Андерсон, А.О. Чубарьян. — М.: Памятники ист. мысли, 1997. — 596 с.
- 47.Куликов, А. И. Американский меморандум марта 1943 года и его влияние на развитие финско-американских и финско-германских отношений/А. И. Куликов // Вестник МГИМО. – М.: МГИМО МИД РФ, 2009. – №5. – С. 70 – 84
- 48.Кульков, Е. Н. Финляндия в войне против СССР 1941 – 1944/ Е. Н. Кульков // Вестник МГИМО. – М.: МГИМО МИД РФ, 2009. – №5. – С. 30 – 49
- 49.Куманев, Г. А. Об участии Финляндии в составе фашистского блока в войне против Советского Союза 1941-1944 гг. (Проблема и ее изучение в СССР и России)/ Г.А. Куманев // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII – XX вв.: Коллективная монография – М.: Издательский центр Ин-та российской истории РАН, 2006. – С. 342 – 371
- 50.Кутузов, В. А. А. А. Жданов и Союзная Контрольная комиссия в Финляндии / В. А. Кутузов // От войны к миру: СССР и Финляндия 1939 – 1944 гг.: Сб. статей. – СПб.: Санкт-Петербургского ун-та, 2006. – С. 395 – 408
- 51.Кутузов, В. А., Демидов В. И. Председатель СКК в Финляндии А.А. Жданов по воспоминаниям ее сотрудника /В. А. Кутузов, В. И. Демидов //Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы Девятой ежегодной международной научной конференции. – С-Пб.: Изд-во РХГА, 2008. – С. 63 – 67

52. Мейнандер, Х. Финляндия, 1944. Война, общество, настроения / Х. Мейнандер ; пер. со швед. Зинаиды Линден. – М.: Весь Мир, 2014. – 395 с.
53. Мировая война. 1939–1945/ [Коллектив авторов]. – СПб.: Изд-во Полигон, 2000. – 736 с.
54. Никитин, В. В. Пылающие города: советские бомбардировщики в небе Финляндии 1939 - 1944 /В. В. Никитин. – СПб.: Карелико, 2015. – 367 с.
55. Никитин, В. В. Финская армия: русский след. Люди и оружие /В. В. Никитин. – СПб.: Остров, 2017. – С. 213 – 222
56. Рентола, К. Сталин и судьба Финляндии/ К. Рентола. – М.: Весь Мир, 2020. – 240 с.
57. Рогинский, В.В. Образ Советского Союза в странах Северной Европы в 1945 году/ В.В. Рогинский// Вестник МГИМО. – М.: МГИМО МИД РФ, 2011. - № 1(16). – С. 173 -180
58. Садомцева, А. Р. Секретные советско-финляндские переговоры в Стокгольме в феврале 1944 года в свете различных источников: проблемы и достоверность /А. Р. Садомцева //Труды кафедры истории нового и новейшего времени. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2016. – №16-2. – С. 131– 148
59. Садомцева, А. Р. Роль Г. Грипенберга в решении «финского вопроса» во время Второй мировой войны (Ноябрь 1943 г. – Сентябрь 1944 г.)/ А. Р. Садомцева // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации.: Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. – Пенза: Наука и Просвещение, 2019. – С. 113 - 118
60. Садомцева, А. Р. Роль Швеции в урегулировании советско-финляндских отношений (Ноябрь 1943 – Сентябрь 1944) /А. Р. Садомцева //Вестник современных исследований. – Омск.: ИП Соловьёв Вадим Олегович, 2018. – №12.8 (27). – С. 322 – 327

61. Садомцева, А. Р. Шведско-американские отношения сквозь призму «финского вопроса» (22.06.1941 г. — лето 1943 г.)/ А. Р. Садомцева// Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы Девятнадцатой ежегодной международной научной конференции. – СПб.: Изд-во РХГА, 2018. – С. 87 - 98
62. Сенявская, Е. С. Участие Финляндии во Второй Мировой войне в отражении финской и советской пропаганды и в исторической памяти/ Е.С. Сенявская// Ученые записки ПетрГУ. – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2011. - №5. - С. 7 – 13
63. Советская пропаганда на завершающем этапе войны (1943–1945 гг.). Сборник документов/ Авт.-сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 398 с.
64. Уйтто, А. «Финноед» Отто Вилле Куусинен/ А. Уйтто. – СПб: Гйоль. – С. 310 – 328
65. Чернышева О.В., Рогинский В.В. Судьба «Дипломатических дневников» А.М. Коллонтай/ О.В. Чернышева, В.В. Рогинский// Новая и новейшая история. - 2002. - № 5. - С. 171–185.
66. Чугунов, М. В. Советско-финские отношения в 1917-1947 гг.: политический и социальный аспекты: диссертация...кандидата исторических наук: 07.00.02, 07.00.03 / М.В. Чугунов. - Иваново, 2015. - 170 с.
67. Эрккиля, В., Иивари П. К вопросу о получении новых сведений о Лапландской войне путем международного сотрудничества/ В. Эрккиля, П. Иивари// Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности: Материалы VI международной научной конференции, посвященной 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов (Петрозаводск, 1–3 июня 2015 года). – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2016. – С. 140 – 145

68. Юссила, О., Хентия, С., Невакива Ю. Политическая история Финляндии: 1809 - 1995/ О., Юссила, С., Хентия, Ю., Невакива. – М.: Весь Мир, 1998. – 384 с.
69. Вехвиляйнен, О. Финляндия в Второй мировой войне: между Германией и Россией / О. Вехвиляйнен. – Киев: Темпора, 2010. – 241 с.
70. Finland at War in 1944. Part Three: Lapin sota – the Campaign against Germany: [Электронный ресурс] //Flames of war. – 2016. URL: <https://vk.cc/atLRxh>
71. Gebhardt, J. F. The Petsamo-Kirkenes Operation: Soviet Breakthrough and Pursuit in the Arctic, October 1944/ J. F. Gebhardt// Leavenworth Papers. – №17. – 186 p.
72. Holmila A., Mikkonen S. Suomi sodan jälkeen: pelon, katkeruuden ja toivon vuodet. 1944–1949/ A. Holmila, S. Mikkonen. - Jyväskylä: Atena Publ., 2015. - 265 s.
73. Jowett P., Snodgrass B. Finland at War 1939-45/ P. Jowett, B. Snodgrass. – Osprey Publishing, 2006. – 64 с. – (Series: Osprey Elite)
74. Kaila, T.T. Kriget i Lappland/ T.T. Kaila. – Stockholm: Fahlerantz & Gumaelius, 1950. - 287 s.
75. Kulju, M. Käsivarren sota: Lasten ristiretki 1944-1945/ M. Kulju. - [Helsinki]: Gummerus [2017]. – 237 s.
76. Kulju, M. Lapin sota 1944–1945/ M. Kulju. - Helsinki: Gummerrus Publ., 2013. - 390 s.
77. Nénye, V. Finland at War The Continuation and Lapland Wars 1941–45/ V. Nénye [et al.]. – Osprey Publishing, 2016. – 336 с. – (Series: Osprey General Military)
78. Sampo, A. Aseveljet vastakkain. Lapin sota 1944 – 1945./ A. Sampo. - Helsinki: Kirjayhtymä, 1980.
79. Seitsonen, O. Digging Hitler's Arctic War: Archaeologies and Heritage of the Second World War German military presence in Finnish Lapland/ O. Seitsonen. – Helsinki: University of Helsinki, 2018. – 213 с.

80. Stenman, K. Keskinen, K. German Aircraft in Finland 1939-1945. Saksalaiset Koneet Suomessa 1939-1945/ K. Stenman, K. Keskinen. – Tampere: Apali Oy, 1998. – 130 s. – (Sarja: Suomen Ilmavoimien Historia)
81. Turtola, M. Risto Ryti: Elämä isänmaan puolesta/ M. Turtola. - Helsinki: Otava, 1994. – 377 p.
82. Väyrynen, R. Conflicts in Finnish-Soviet relations : three comparative case studies / R. Väyrynen. – Tampere: Tampereen Yliopisto, 1972. – 270 p.
83. Vasara, V.-T. Modern finnish historiography: the Second World war — new approach to old topic/ V.-T. Vasara // Вестник СПбГУ. - СПб.: Изд-во СПбГУ, Сер. 2. - 2016. - Вып. 2. – С. 156 - 160
84. Ziemke, E. F. German Northern Theater of Operations: 1940-1945/ E. F. Ziemke. – Washington: U.S. Government Printing Office, 1959. – 342 с.

Интернет-ресурсы

85. The Finnish Defense Forces: Finnish Wartime Photograph Archive: [Электронный ресурс]. URL: <http://sa-kuva.fi/neo?tem=webneoeng>